

И.В.Киреевский
П.В.Киреевский

16+

Собрание сочинений

В 3-х т. Т. 1

И. В. Киреевский

Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Киреевский И. В.

Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1 / И. В. Киреевский — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98720-3

Философское и историко-публицистическое наследие Ивана и Петра Киреевских — двух выдающихся деятелей русской культуры первой половины XIX века. И. В. Киреевский (1806—1856) положил начало самобытной отечественной философии, основанной на живой православной вере и опыте восточно-христианской аскетики. П. В. Киреевский (1808—1856) прославился как фольклорист и собиратель русских народных песен. Издание подготовлено доктором философских наук, профессором А. Ф. Мальшевым.

ISBN 978-5-532-98720-3

© Киреевский И. В., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

От составителя	5
Глава I. Философские работы И. В. Киреевского	12
§ 1. Деятнадцатый век[14]	12
§ 2. В ответ А. С. Хомякову[33]	26
§ 3. Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России[45]	34
§ 4. Московским друзьям[49]	41
§ 5. Каких перемен желал бы я в теперешнее время в России? [51]	44
§ 6. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. Письмо к графу Е. Е. Комаровскому[57]	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

И. Киреевский, П. Киреевский

Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 1

От составителя

Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.

Книга Екклесиаста, или Проповедника¹

*Есть игры, сопряженные с усилием,
Но то усилие тешит; труд иной
Хоть низок, но по цели благороден,
И бедных дел итог порой богат.
Так этот труд мне мог бы в тягость быть;
Но госпожа, которой я служу,
Все мертвое волшебю оживляет
И делает работу мне отрадной.*

Уильям Шекспир²

Перед читателем четвертое издание полного собрания сочинений Ивана Васильевича Киреевского и второе – Петра Васильевича Киреевского³. Философское, историко-публицистическое, литературно-критическое и художественное наследие двух великих сынов Отечества, двух выдающихся деятелей русской культуры, двух основоположников и идеологов славянофильства. Отдельные тома составляют письма и дневники братьев Киреевских, материалы к их биографиям.

Братья-славянофилы Иван и Петр Киреевские. Персоны первой половины XIX столетия!!.. Иван Васильевич сидит в большом удобном старинном кресле... Очки с круглыми стеклами, высокий воротник сорочки... Одна рука заложена за борт сюртука, другая не столько опирается на ручку кресла, сколько сжимает ее. Лицо поставлено прямо, упорно; подбородок чуть-чуть выдается вперед; маленькие губы красивого рта сжаты; над глазами большие надбровные дуги; череп – без округлости. Взгляд пристальный. Все выражение негодующее... с налетом легкой презрительности. Петр Васильевич – просто степной помещик... Усы, в кружок остриженные волосы... Венгерка, в зубах трубка... Аскет, ветхопещерник⁴; пренебрежение ко всяким условностям высшего тона; дворянин, вечно водящийся с простолюдинами; прямой, честный, страстно любящий свой народ...

¹ Еккл. 1, 3–7.

² Буря. Акт III. Сцена 1. Перевод М. Гершензона.

³ Первое издание: Киреевский И. В. Полное собрание сочинений / А. И. Кошелев. Т. 1–2. М., 1861. Второе издание: Киреевский И. В. Полное собрание сочинений / М. О. Гершензон. Т. 1–2. М., 1911. Третье издание: Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений / А. Ф. Мальшевский. Т. 1–4. Калуга, 2006.

⁴ Выражение поэта Н. М. Языкова.

Первый – писатель-аналитик, религиозный философ, теоретик, редактор-издатель. Он был одним из первых литературных критиков и публицистов, положивших начало цельного взгляда на культуру, цивилизацию, европейскую и отечественную литературу, *на наше и не наше* во всемирной истории. Вторым – собиратель-исследователь народного поэтического, песенного творчества. С его собрания началась систематическое и научное отношение к отечественной фольклористике.

Иван Васильевич – старший брат по рождению и, естественно, во всем имел инициативу: книги, знакомства, философские увлечения, выбор литературных кружков – все изначально принадлежало Ивану, за которым *нога в ногу* следовал его младший брат Петр Васильевич. Тот же наставник – реформатор русской поэзии Василий Андреевич Жуковский. Та же библиотека из лучших произведений русской и мировой литературы... Тот же круг *чтения и постижения литературы и науки* европейских народов... Те же профессора Московского университета: Мерзляков, Снегирев, Цветаев, Чумаков... Та же служба в Московском архиве Коллегии иностранных дел... Та же компания «архивных юношей»: Алексей и Дмитрий Веневитиновы, Николай Мельгунов, Николай Рожалин, Александр Кошелев, Сергей Соболевский, Владимир Титов, Владимир Одоевский, Степан Шевырев... Те же литературные кружки Раича, Одоевского, Веневитинова... То же Общество любомудрия, самораспустившееся в 1825 году после восстания декабристов... То же увлечение трудами Спинозы, Канта, Фихте... Та же западная университетская школа: Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг, Лоренц Окен, Йоханн Йозеф фон Гёррес, Карл Риттер... Тот же круг знакомых: А. С. Пушкин, А. Мицкевич, З. Доленга-Ходаковский, Ф. И. Тютчев, Н. В. Гоголь, А. С. Хомяков, А. Х. Востоков, А. В. Кольцов, А. Ф. Вельтман, В. И. Даль, М. П. Погодин, М. А. Дмитриев, А. И. Писарев, А. М. Кубарев, Авр. С. и Ал. С. Норовы, М. А. Максимович, Д. П. Ознобишин, А. Н. Муравьев, К. С. и И. С. Аксаковы, Н. М. Языков, Е. А. Баратынский, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцев, Ю. Ф. Самарин, Т. Н. Грановский...

Принято читать, что Петр Киреевский прожил свою жизнь в тени старшего брата Ивана, что Иван Киреевский *несравненно оконченнее* младшего брата Петра... Что И. В. Киреевский – подлинно *священный писатель*... Его сочинения («Девятнадцатый век», «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», «О необходимости и возможности новых начал для философии») – подлинное *священное писание* в русской литературе, ибо «исходят из необыкновенно высокого настроения души, из какого-то священного ее восторга, обращенного к русской земле... Чего бы они ни касались, Европы, религии, христианства, язычества, античного мира, – везде речь их лилась золотом самого возвышенного строя мысли, самую страстного углубления в предмет, величайшей компетентности в суждениях»⁵.

П. В. Киреевский дебютировал в журнале «Московский вестник» в 1827 году, где было напечатано его изложение курса новогреческой литературы, написанного и изданного по-французски в Женеве Ризо Нерулосом. В 1828 году Петр Киреевский напечатал отдельной книжкой свой перевод с английского повести Байрона «Вампир». В этом же году в «Московском вестнике» был опубликован его перевод с испанского большей части комедии Кальдерона «Трудно стеречь дом о двух дверях». Также переводил Шекспира. Перевел книгу В. Ирвинга «Жизнь Магомета», которая была опубликована после его смерти, в 1857 году. В 1832 году в журнале «Европеец» появилась статья Петра Васильевича под заглавием «Современное состояние Испании» – перевод из английского журнала «The Foreign Quarterly Review». В 1845 году Петр Киреевский напечатал в журнале «Москвитянин» статью «О древней русской истории», в виде полемики письма известному историку М. П. Погодину по поводу его «Параллели рус-

⁵ Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. С. 565.

ской истории с историей западных европейских государств» – с обещанием «окончания в следующей книжке», которого не последовало. В 1846 году им был напечатан в первом выпуске начавших тогда выходить «Чтений в Обществе истории и древностей российских» перевод с английского сочинения Сэмюэла Коллинза, бывшего врачом царя Алексея Михайловича, о современном ему состоянии России, сделанный с экземпляра первого его издания 1671 года («Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне»).

Следует признать, что на литературном поприще Петр Киреевский (при всем желании его писать) не достиг высот своего брата Ивана Киреевского; он даже не приблизился к ним. Совсем не от смирения и не от излишней совестливости!!.. Петр Васильевич так и не приобрел привычки излагать свою мысль на бумаге (его перу не была дарована легкость). Было и еще одно... Само свойство *раскапывания старины*, при котором нельзя ни шагу двинуться без тысячи справок и проверок, без ежеминутной борьбы с целой *фалангой* предшественников, *изувечивших и загрязнивших ее донельзя*. Но это не умаляет самостоятельности и самостоятельности П. В. Киреевского перед И. В. Киреевским...

Несомненно, Иван Киреевский был *подвижнее* умом Петра Киреевского, *живее* мыслью и, если можно так выразиться, *ускореннее* впечатлительностью. Петр Васильевич был замкнут и *неуклюж*; таланты его были менее заметны, нежели блестящие дарования старшего брата Ивана Васильевича. Однако П. В. Киреевский был *замечательнее* своего брата И. В. Киреевского и по цельности натуры, и по чистоте убеждений, и по редкости совершенно праведной жизни. Если Иван Киреевский в своем умственном развитии был *зависим*... многим увлекался и был подвержен многим влияниям (от западных теорий до православного религиозного мистицизма), то Петр Киреевский в суждениях был спокойнее и самостоятельнее, *совершил свой жизненный труд без всякой перемены и даже оттенка перемены*.

И. В. Киреевский был создан для многого, в то время как П. В. Киреевский для одного. Отдавая преимущество русскому характеру, русскому уму, а по сути своей *русскому всему*, Петр Киреевский помыслил осуществить грандиозную по историческим меркам задачу – восстановить первоначальный, древний дух русского народа – восстановить не иллюзорно (через воображение или догадку), а непосредственно по непререкаемым памятникам... собрать воедино документы, где бы были видны *истоки, природа и течение* этого духа, в которых отражались бы традиции, быт и жизнь этого духа, его возможная глубина, его игра, ясность и легкость... Найти первоначальный народный дух?!.. живую речь народа, сохранившую древние черты?!.. без книжных примесей и влияний?!.. в размеренном песенном тексте, из которого слова не выкинешь?!.. Более величественной и более благородной задачи нельзя было себе представить?!..

У братьев Киреевских была общая надежда и мысль о великом назначении своего Отечества!!.. Иван Васильевич реализовывал ее теоретически, что называется, за письменным столом; его охватила идея *цельности духовной жизни*. Именно *цельное мышление* позволяет личности и обществу избежать ложного выбора между невежеством, которое ведет к *уклонению разума и сердца от истинных убеждений*, и логическим мышлением, способным отвлечь человека от всего важного в мире. *Все ложные выводы рационального мышления зависят только от его притязания на высшее и полное познание истины!!!..* Для человека, не достигшего *цельного сознания*, вторая опасность особенно актуальна; культ телесности и культ материального производства, получая оправдание в рационалистической философии, ведет к духовному порабощению. Принципиально изменить ситуацию может только перемена *основных убеждений... изменение духа и направления философии*... Рождение нового мышления не в построении систем, а в сущностном повороте в общественном сознании... воспитании общества... Не индивидуальными интеллектуальными усилиями, а общими (*соборными*) в общественную жизнь должна войти новая, преодолевающая рационализм, философия. Суть этого пути – стремление к сосредоточенной цельности духа, которая дается только верой... аскеза – необ-

ходимый элемент не только жизни, но и философии... святоотеческий образ и способ мышления... внутреннее духовное *сопряжение человеческой личности с Богом*.

Зная семь языков и с ними впитав дух стольких же культур, П. В. Киреевский «сознательно, твердо предпочел всем им деревенскую и сельскую культуру Руси, Псковскую и Новгородскую деревенщину, и совершенно не имел иного отношения к общечеловеческим идеалам *истины, красоты, справедливости*, чем просто русское к ним отношение, русское чувство этих идеалов. Соединяя с этим русским чувством огромное европейское образование, он открыл ворота *русской смелости* – смелости называться собою, чувствовать, *как чувствуется самому русскому*, думать, *как думается самому русскому*, никому не вторя, никому не подражая»⁶.

Петр Киреевский погрузился в реалии практической жизни; отправился по селам и ярмаркам Новгородского, Валдайского, Демянского, Осташковского уездов, знакомился с русским крестьянином, с русским простолюдином, с деревенским стариком-сказителем, самолично записывал с голоса песни и стихи... Изучал, стараясь по всем вариантам одной и той же песни восстановить первоначальный, древнейший ее вид, *обставив* этот подлинник нарощими видоизменениями; искал и находил тот образец народного песенного бытописания (говорок, выдумка, легенда, обряд), через который лучше всего можно осязать свою собственную родную отечественную историю. Работа титаническая, требующая множества справок, сравнений, множества проверок дальнейшего употребления того или иного слова, того или иного оборота речи, в летописях и других древних памятниках письменности.

Невольные и бессознательные впечатления от собирания народных песен и стихов *вдохновили... одушевили... заразили...* окружающих. *Тихая и скромная душа* сделалась источником огромного движения *возрождения Древней Руси – основной России!!!*.. Богатые материалы, положившие основу песенному собранию, получил П. В. Киреевский из Симбирской и Оренбургской губерний от семейства Языковых, П. М. Бестужева, Ек. М. Хомяковой и Д. А. Валуева. А. С. Пушкин *доставил* замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии; А. Х. Востоков *сообщил* список с рукописного собрания народных стихов, хранящегося в Румянцевском музее; Н. В. Гоголь *дарствовал* тетрадь песен, собранную в различных местах России. М. П. Погодин, кроме многих песен, лично записанных им, передал значительные собрания гг. Тихомирова и Перевлесского, составленные в Рязанской и Тверской губерниях; И. М. Снегирев – прекрасное собрание песен Тверской и Костромской губерний; С. П. Шевырев – собрание песен Саратовской губернии; В. М. Рожалин – значительное собрание песен Орловской губернии; А. Н. Попов – собрание песен Рязанской губернии; К. Д. Кавелин – собрание тульских и нижегородских песен; В. А. Трубников – прекрасное собрание песен тамбовских; Д. П. Ознобишин – собрание свадебных песен Псковской губернии; А. Ф. Вельтман – весьма замечательное собрание песен из Калужской губернии; В. И. Даль – собрание уральских песен; И. И. Клементьев – собрание песен Владимирской губернии; А. Н. Кольцов – собрание песен Воронежской губернии; Ю. П. Гудбилович – весьма замечательное собрание песен Минской губернии. С. А. Соболевский поделился изысканиями Сопикова, который соединил воедино народные песни и романсы, разбросанные по старинным песенникам. Весьма значительно *обогатил* песенное собрание П. И. Якушкин, который *в своей любви к русской народности* с неутомимой и благородной ревностью исходил пешком Тверскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую и Орловскую губернии. К *общему* теперь делу приобщились П. А. Улыбышева, Н. П. Киреевская, М. А. Воейкова, Е. И. Попова, Д. А. Путилов, М. А. Стахович, И. С. Савинич, М. А. Максимович⁷...

⁶ Розанов В. В. Собрание сочинений. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.). М.: Республика, 2006. С. 219.

⁷ См.: Мальшевский А. Ф. Петр Киреевский и его собрание русских народных песен. Т. 1–8. СПб., 2008–2010.

Два великих ума, выпестованных на последовательности западноевропейского развития, загнанных в личную глубину, мыслящих в молчании... Два духовных труда, постигающих суть и сущность российской действительности, так и не прорвавшихся сквозь пелену чистых и абсолютных дум на поверхность общественного сознания...

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью – и молчи!..⁸

«Молчание – талант даровитого. Молча светит солнце. Молча созревает плод. Молча кормит корень. Вся природа молчалива, все в природе молчаливо. Гром и ветер – исключения, и ведь это не Бог весть что. Чем больше молчания, тем больше *делается*... Молчание – добродетель, а разговоры... могут быть просто *болтовней*... Настоящий ум начинается со *скромности*, т. е. с некоторого плача о себе и своих силах, о своем бессилии; и, пропорционально этому, с *внимания* к окружающему, с желания учиться из окружающего... *Настоящая наука* никак не может зародиться иначе как в *глубоком безмолвии*, почти в немом человеке. Науке положил начало тот, кто хотел говорить и не мог говорить...»⁹

Так случается... Так случилось... Опоэтизированный Ф. И. Тютчевым образ *молчания* воплотился в жизненные реалии братьев Киреевских, в их особую жизнь посреди общества, образованного иначе. Ибо человек *промыслительно* может и *промыслительно* должен проложить свой индивидуальный путь-траекторию в мире по истине, по совести, по правде, по справедливости... В любые времена!!.. в любые эпохи!!.. застои... смуты... бедствия... «Ведь общество и его уровень ценностей – лишь одна из многих составляющих, что образуют содержание жизни человека. Если в социуме смрад и недвижность, человек обращается в семью, любовь, мысль, в культуру, в природу, в труд, в хозяйство – и там добывает собственные, независимые от политических веяний ценности бытия...»¹⁰

Братья Киреевские *сотворили* свое собственное пространство-время, в котором *обитали* в расхождении с текущим, *вслушиваясь* в суть вещей и событий европейских стран и наро-

⁸ Тютчев Ф. И. Silentium!

⁹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе... С. 562.

¹⁰ Гачев Г. Д. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. М.: Издательство «Новости», 1991. С. 27–28.

дов, *синхронизируя* ход российской истории. Античность и варварство!!.. Христианство и церковь!!.. Государство и просвещение!!.. Цивилизация и культура!!.. Россия не укладывалась в общее *шествие* западноевропейского Духа своей сущностью?!.. Огромностью?!.. Древностью?!.. Восточным христианством?!.. В чем, собственно, дело??.. В западной государственности, *привнесенной* варягами на бескрайние просторы, спорадически населяемые славянскими племенами?!.. В западных схемах и логике миропонимания, *привитых* Петром Великим к древу вольно-разгульной народной жизни?!.. В разупорядоченности темпов и ритмов российских столиц и провинций: с одной стороны, пространство всемирной мысли, средоточие новейших европейских течений (вольтерьянство, романтизм, Шеллинг и Гегель, социализм и т. д. и т. п.), отягченное думой о собственном поступательном развитии, а с другой – доисторичность, патриархальность, сказочность, былинность, песенность... мир настоящий, глухой, темный, суровый, неизвестный... народное море, народная совесть, народная нужда, народная дума... Святая Русь?!.. «Начало мира... начало мышления... начало самого человека коренится в *святом*: оно редко, невидимо, не мечется в глаза, а скорее хоронится от глаз, но в немто и лежит *корень* всего мира... И пока мир держится именно *на этом корне* и не пожелает получить в основу себя другого корня, – он останется жив, цел и вечен. Святое есть непорочное; святое есть полная правда; святое – оно всегда прямо... Святое есть настоящее. *Настоящий человек... настоящее золото... настоящая дружба...* Мир состоит из *настоящих вещей* и из *подражаний настоящим вещам*... И вторых очень много, а первых очень немного, вот как золота...»¹¹ Медленнее Европы, но быстрее Азии?!.. И земля, и природа, и народ, и государство, и личность, и душа, и дух, и цель, и призвание, и предназначение, и миссия...

Что значит быть человеком утонченной европейской культуры, человеком воспитанным на гуманистических и либеральных идеях Запада, поверившим универсальности европейской цивилизации и оттого так страстно тянувшимся к родному, так глубоко понимающим его?!.. Высоко, благородно и бескорыстно ценить все *возвышенное, духовное и плодоносное* в русской истории, русской культуре, русской нации, русском человеке при всей очевидности для него места и роли западной цивилизации, при всем понимании степени ее превосходства перед нашим *русским ничто*?!.. Глубокий теоретизм (по той простой и естественной причине, что все работали, размышляли и писали свои ученые труды по методам западной науки, западного научного мышления) и иллюзорно-литературное презрение к европейской цивилизации, *отталкивание* от нее и *прирастание* к тому, чего нет, что уже под спудом прошлого, с чем порвана жизненная связь?!.. Странное сочетание в русской душе и русском сознании энтузиазма в отношении Европы, ее просвещения, ее науки и ее искусства, ее литературы и ее гражданских ценностей и боли из-за отсутствия в нас (в собственной личности и общественной жизни) преимуществ западного духовного развития?!.. «Великий этот хлеб, хлеб Европы, – святой, питательный. Только им мы и были сыты, только им мы и были живы. Но Бог велел каждому человеку самому трудиться на земле. Отныне мы берем плуг и в поте лица нашего, в поте лица русского будем распахивать наше русское поле...»¹²

Противостояние славянофильства и западничества, сложившееся в 1830–1850-х годах, стало одним из определяющих признаков всего развития отечественной культуры. По одну сторону: А. С. Хомяков, К. С. и И. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, Ю. В. Самарин, В. А. Черкасский и другие члены *кружка*, олицетворявшего *особую* любовь к России, к своему *домашнему* делу, к осознанию себя, своей национальной значительности. Народ наш не

¹¹ Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе... С. 563.

¹² Розанов В. В. Собрание сочинений. В нашей смуте (Статьи 1908 г. Письма к Э. Ф. Голлербаху). М.: Республика, 2004. С. 126.

есть среда, материал, вещество, для принятия в себя единой и универсальной и окончательной истины, которая обобщенно именуется Европейской цивилизацией!!.. По другую: П. Я. Чаадаев (именно его «Философические письма» послужили толчком к окончательному оформлению обоих течений и стали поводом к началу дебатов), Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарёв, К. Д. Кавелин и другие выразители *общечеловеческого интереса*. Никакой отдельно стоящей русской цивилизации, отдельно пребывающей русской культуры!!.. Здесь сошлись не только две истины, две доктрины, но и принципы жизни, законы и нормы суждений и практических требований; социально-психический уклад русского народа против социально-психического уклада романо-германских народов – *протест, сперва выразившийся в смутном, безотчетном отчуждении, а потом в полной сознательной критике и отвержении этих созданий и тех начал, из которых они вышли*. Одни звали Россию к возрождению, другие – к пробуждению!!.. От первых пошли *русские одиночки*, от вторых – *русская общественность*. Конфликт не разрешен... Спор этот не окончен...

Нам нынешним трудно понять людей первой половины XIX столетия, «потому что мы вырастаем совершенно иначе – катастрофически. Между нами нет ни одного, кто развивался бы последовательно: каждый из нас не вырастает естественно из культуры родительского дома, но совершает из нее головокружительный скачок, или движется многими такими скачками. Вступая в самостоятельную жизнь, мы обыкновенно уже ничего не имеем наследственного, мы все переменили в пути – навыки, вкусы, потребности, идеи; редкий из нас даже остается жить в том месте, где провел детство, и почти никто – в том общественном кругу, к которому принадлежали его родители. Это обновление достается нам не дешево; мы как растения, пересаженные – и может быть, даже не раз – на новую почву, даем и бледный цвет, и тощий плод, а сколько гибнет, растеряв в этих переменах и здоровье, и жизненную силу! Я не знаю, что лучше: эта ли беспощадная гибкость, или тирания традиции. Во всяком случае, разница между нами и теми людьми очевидна; в биографии современного деятеля часто нечего сказать о его семье, биографию же славянофила необходимо начинать с характеристики дома, откуда он вышел»¹³. К такому выводу пришел историк русской литературы и общественной мысли Михаил Гершензон в начале XX века, готовя к публикации собрание сочинений И. В. Киреевского. Что же тогда говорить нам, живущим в веке XXI-м??.. Однако попробовать стоит!!.. Воссоздавать разумом образы прошлого занятие прелюбопытное...

¹³ Гершензон М. О. Избранное. Т. 3. Образы прошлого. Москва – Иерусалим, 2000. С. 78–79.

Глава I. Философские работы И. В. Киреевского

§ 1. Деятнадцатый век¹⁴

Сколько уже говорено о направлении девятнадцатого века, что мудрено было бы сказать о нем что-либо новое, если бы девятнадцатый век был для нас прошедшим. Но он живет и, следовательно, изменяется; и каждое изменение его господствующего духа ставит нас на новую точку зрения. Другая перспектива, в которой минувшее располагается перед текущей минутой, дает ему другое значение. Так путешественник с каждой переменной места видит в новом свете пройденную дорогу. Так новый опыт в жизни дает целому миру воспоминаний новую стройность и новый смысл.

Этим новым опытом в жизни девятнадцатого века были события последних лет. Я говорю не о политике, но в литературе, в обществе, в борьбе религиозных партий, в волнениях философских мнений, одним словом, в целом направленном быте просвещенной Европы заметно присутствие какого-то нового, какого-то недавнего убеждения, которое если не изменяет господствующего направления, то по крайней мере дает ему оттенки и другие отношения.

В чем же состоит эта особенность текущей минуты?

Ответ на этот вопрос должен служить основанием наших суждений обо всем современном, ибо одно понятие текущей минуты, связывая общие мысли с частными явлениями, определяет в уме нашем место, порядок и степень важности для всех событий нравственного и физического мира. Было время, когда понятие настоящей минуты века составляло исключительную принадлежность Гения, предполагая в нем порыв какого-то безотчетного и немногим доступного вдохновения. Но теперь, когда определить господствующее направление века сделалось главной и общей целью всех мыслящих, когда все *данные* для того известны и собраны, когда все отрасли ума и жизни породнились между собою столь тесно, что изучение одной открывает нам современное состояние всех других, – понятие настоящего направления времени уже не требует ни гениальности, ни вдохновения; оно сделалось доступно для каждого мыслящего, предполагает в нем только внимательный взгляд на окружающий мир, холодный расчет и беспристрастное соображение.

Однако, несмотря на это всеобщее стремление постигнуть дух своего времени, не было века, изучение которого представляло бы столько трудностей, сколько представляет изучение нашего, ибо никогда изменения господствующего направления не совершались столь быстро и столь решительно. Прежде характер времени едва чувствительно переменялся с переменой поколений; наше время для одного поколения меняло характер свой уже несколько раз, и можно сказать, что те из моих читателей, которые видели полвека, видели несколько веков, пробежавших пред ними во всей полноте своего развития.

Утверждение – это не игра пустых слов: его истина подтверждается ежедневно очевидными доказательствами. Сравните прежние времена с настоящим, раскройте исторические записки, частные письма, романы и биографии прошедших веков: везде и во всякое время найдете вы людей *одного времени*. При всем разнообразии характеров, положений и обстоятельств

¹⁴ Статья была написана в 1832 г. и помещена в первый номер журнала «Европеец». Николай I, прочитавший статью, усмотрел в ней закамouflированное требование конституции для России, что привело к закрытию журнала. Впоследствии в секретном архиве III отделения собственной его императорского величества канцелярии был обнаружен донос, послуживший основанием для закрытия «Европейца» (см.: Фришман Л. Г. К истории журнала «Европеец» // Русская литература. 1967. № 2. С. 117–126). В № 1 журнала «Европеец» было опубликовано начало статьи, а в № 3 (не вышедшем в свет) помещалось окончание статьи уже без подписи И. В. Киреевского. Окружение писателя хорошо знало всю статью (см.: Вацура В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 127). – *Сост.*

каждый век представит вам один общий *цвет*, одно клеймо, которое больше или меньше врезано на всех одновременных лицах. Все воспитаны одномысленными обстоятельствами, образованы одинаким духом времени. И те умы, которые в борьбе с направлением своего века, и те, которые покорствуют ему, все равно обнаруживают его господство: оно служит общим центром, к которому примыкают направления частные, как правая и левая сторона в палате депутатов.

Но взгляните на европейское общество нашего времени: не разногласные мнения одного века найдете вы в нем, нет! Вы встретите отголоски нескольких веков, не столько *противные* друг другу, сколько *разнородные* между собою. Подле человека *старого времени* найдете вы человека, образованного духом *Французской революции*; там – человека, воспитанного обстоятельствами и мнениями, *последовавшими непосредственно за Французской революцией*; с ними рядом – человека, проникнутого тем порядком вещей, который начался на твердой земле Европы с падением Наполеона; наконец, между ними встретите вы человека последнего времени, и каждый будет иметь свою особенную физиономию, каждый будет отличаться от всех других во всех возможных обстоятельствах жизни, одним словом, каждый явится перед вами отпечатком особого века.

Некоторые полагают, что эта быстрота изменений духа времени зависит от самой сущности сих изменений; другие, напротив того, думают, что она происходит от обстоятельств посторонних, от случайных характеров действующих лиц и т. п., третьи видят причину ее в духе настоящего просвещения вообще. Мы не станем разыскивать степени справедливости каждого из сих объяснений; заметим только существование самого *факта* и постараемся определить исторически особенность и сущность последнего из сих изменений господствующего направления *европеизма*.

В конце восемнадцатого века, когда борьба между старыми мнениями и новыми требованиями просвещения находилась еще в самом пылу своего кипения, господствующее направление умов было, безусловно, *разрушительное*. Науки, жизнь, общество, литература, даже самые искусства изящные – все обнаруживало одно стремление: ниспровергнуть старое. Замечательно, что даже мысль о новом, долженствовавшем заступить место старого, почти не являлась иначе как *отрицательно*. Эти электрические слова, которых звук так потрясал умы – *свобода, разум, человечество*, – что значили они во время Французской революции?

Ни одно из сих слов не имело значения *самобытного*, каждое получало смысл только из отношений к прежнему веку. Под *свободою* понимали единственно отсутствие прежних стеснений; под *человечеством* разумели единственно материальное большинство людей, т. е. противоположность тем немногим лицам, в коих по прежним понятиям оно заключалось; царством *разума* называли отсутствие предрассудков или то, что почитали предрассудками; и что предрассудок пред судом толпы непросвещенной? Религия пала вместе со злоупотреблениями оной, и ее место заступило легкомысленное неверие. В науках признавалось истинным одно ощутительно испытанное, и все сверхчувственное отвергалось не только как недоказанное, то даже как невозможное. Изящные искусства от подражания классическим образцам обратились к подражанию внешней неодушевленной природе. Тон общества от изысканной искусственности перешел к необразованной естественности. В философии господствовал грубый, чувственный материализм. Правила нравственности сведены были к расчетам непросвещенной корысти. Одним словом, все здание прежнего образа мыслей разрушилось в своем основании: вся совокупность нравственного быта распалась на составные части, на азбучные материальные начала бытия.

Но это направление разрушительное, которому ясным и кровавым зеркалом может служить Французская революция, произвело в умах направление противное, контрреволюция, которая хотя совершилась не везде одновременно, но выразилась везде однозначно. Систематические умозрения взяли верх над ощутительным опытом, который перестал уже

быть единственным руководителем в науках. Мистицизм распространился между людьми, не подавшимися увлечению легкомысленного неверия. Общество, униженное до простонародности, старалось возвыситься блеском внешнего великолепия и пышности. В искусствах подражание внешней природе заменилось сентиментальностью и мечтательностью, которые на всю действительность набрасывали однообразный цвет исключительного чувства или систематической мысли, уничтожая таким образом самобытность и разнообразие внешнего мира. В области философии, как противоположность прежнему материализму, начали развиваться системы чисто духовные, выводящие весь видимый мир из одного невещественного начала. Таким образом, во всех отраслях ума и жизни более или менее заметна была потребность *единства*, противоположная прежнему разрушительному началу. Эта потребность единства произвела ту насильственную стройность, то насильственное однообразие, которые так же относятся к прежнему безначалию, как великий похититель французского престола¹⁵ относится к воспитавшей его Французской республике. Но сии два противоположные направления, *разрушительное и насильственно соединяющее*, согласовались в одном: в борьбе с прежним веком. Из этой борьбы родилась потребность мира; из противоречащих волнений – потребность успокоительного равновесия, и образовалось третье изменение духа девятнадцатого века – стремление к мирительному соглашению враждующих начал.

Терпимость, вместе с уважением к религии, явилась на место ханжества, неверия и таинственной мечтательности. В философии идеализм и материализм помирились системою тождества. Общество высшим законом своим признало изящество образованной простоты, равно удаленной от той простоты грубой, которая происходит от разногласного смешения состояний, и от той изысканности неестественной, которая царствовала при дворе Людовика XIV, и от того великолепия необразованного, которое окружало Наполеона в его время. В поэзии подражание видимой действительности и мечтательность заменились направлением историческим, где свободная мечта проникнута неизменяемой действительностью и красота однозначительна с правдой. И эта поэзия историческая почти не заимствовала предметов своих ни из древней истории, ни из новой; содержанием ее почти исключительно была история средняя, т. е. то время, из которого развился недавно прошедший порядок вещей, находившийся в борьбе с новыми стремлениями. Исторические разыскатели также ограничивались преимущественно эпохой средних веков, исключая некоторых немецких филологов, далеко не составляющих большинства. Даже мода искала *готического* в своих минутных нарядах, в убранствах комнат и т. п. Вообще в целом быте просвещеннейшей Европы образовался новый, *сложный* порядок вещей, в состав которого вошли не только результаты новых стремлений, но и остатки старого века, частью еще уцелевшие, частью возобновленные, но в обоих случаях измененные новыми отношениями. Господствующее направление умов, соответствовавшее этому новому порядку вещей, заключалось в стремлении к успокоительному уравновешению нового духа с развалинами старых времен и к сведению противоположных крайностей в одну общую, *искусственно отысканную середину*.

Но долго ли продолжалось это направление?

Оно продолжается еще и теперь, но уже значительно измененное. Докажем это состоянием литературы.

В литературе результатом сего направления было стремление согласовать воображение с действительностью, правильность форм со свободой содержания, округленность искусственности с глубокой естественностью, одним словом, то, что напрасно называют *классицизмом*, с тем, что еще неправильнее называют *романтизмом*. Гёте в своих последних произведениях и Вальтер Скотт в своих романах могут во многих отношениях служить примером такого стремления.

¹⁵ Наполеон Бонапарт. – *Сост.*

Тому десять лет Гёте и Вальтер Скотт были единственными образцами для всех подражаний, были идеалами тех качеств, которых европейская публика требовала от своих писателей.

Но теперь большинство публики ищет уже другого. Это заметно не только из того, что подражания прежним образцам значительно уменьшились, но еще больше из того, что теперь в литературе властвуют такого рода писатели и сочинения, таких родов, которыми наслаждение несовместно с предпочтением Гёте и Вальтера Скотта. Неестественная изысканность подле безвкусной обыкновенности в мыслях, натянутость и вместе низость слова, и вообще уродливость талантов, господствующих в самых просвещенных словесностях, доказывают ясно, что вкус нашего времени требует чего-то нового, чего недостает прежним писателям и для чего еще не явилось истинного поэта.

Правда, этими уродливыми талантами восхищается полуобразованная толпа, составляющая материальное большинство публики, между тем как люди со вкусом просвещенным смотрят на них с одним участием сожаления. Однако не надобно забывать, что эта полуобразованная толпа – та самая, которая некогда восхищалась Шекспиром и Попом, Расином и Вольтером, Шиллером и Лессингом и еще недавно Байроном, Вальтером Скоттом и Гёте. Дело только в том, что для нее красота есть достоинство второстепенное даже и в поэзии и что первое, чего она требует, – это *соответственность с текущей минутой*.

Доказывать сего положения, кажется, не нужно: его подтверждают тысячи поэтов бесталантливых, которые имели короткий успех только потому, что выражали образ мыслей или чувство, господствующие в их время.

Итак, чтобы определить эту ответственность между требованиями текущей минуты и настоящим состоянием поэзии, надобно найти *общие качества*, которые бы равно были свойственны всем писателям, пользующимся незаслуженными успехами. Ибо чем меньше таланта в счастливом писателе, тем более обнаруживает он требования своей публики.

По моему мнению, в самых изысканностях и неестественностях, в отвратительных картинах, перемешанных с лирическими выходками, в несообразности тона с предметом, одним словом, во всем, что называют *безвкусицей*, у большей части счастливых писателей нашего времени заметны следующие отличительные качества:

1-е. – больше восторженности, чем чувствительности;

2-е. – жажда сильных потрясений без уважения к их стройности;

3-е. – воображение, наполненное одной действительностью во всей наготе ее.

Постараемся соединить в уме эти три качества и спросим самих себя: что предполагают они в человеке, который ищет их в поэзии?

Без сомнения, качества сии предполагают холодность, прозаизм, *положительность* и вообще *исключительное стремление к практической деятельности*. То же можно сказать и о большинстве публики в самых просвещенных государствах Европы.

Вот отчего многие думают, что время поэзии прошло и что ее место заступила жизнь действительная. Но неужели в этом стремлении к жизни действительной нет своей особенной поэзии? – Именно из того, что Жизнь *вытесняет* Поэзию, должны мы заключить, что стремления к Жизни и к Поэзии сошлись и что, следовательно, час для поэта Жизни наступил.

Такое же сближение жизни с развитием человеческого духа, какое мы заметили в поэзии, обнаруживается и в современном состоянии науки. В доказательство возьмем самое умозрительное и самое отвлеченное из человеческих познаний – философию.

Натуральная философия, названная так по случайной особенности своего происхождения, была последней ступенью, до которой возвысилось новейшее любомудрие¹⁶. Идеализм

¹⁶ Натурфилософская система Шеллинга, в которой мир рассматривается подобно природе в органическом единстве. – *Сост.*

Фихте¹⁷ и реализм Спинозы¹⁸, догматизм схоластики и критицизм Канта¹⁹, предустановленная гармония Лейбница²⁰ и вещественная последовательность английского и французского материализма, одним словом, все развитие новейшего мышления от Декарта до Шеллинга совместились в системе сего последнего и нашло в ней свое окончательное развитие, дополнение и оправдание²¹. Казалось, судьба философии решена, цель ее отыскана и границы раздвинуты до невозможного. Ибо постигнув сущность разума и законы его необходимой деятельности, определив ответственность сих законов с законами безусловного бытия, открыв в целом объеме мироздания повторение того же вечного разума, по тем же началам вечной необходимости, – куда еще могла бы стремиться любознательная мысль человека?

Таково было мнение почти всех приверженцев системы тождества, то есть не одних шеллингистов, но и последователей Гегеля, Окена, Аста, Вагнера и других предводителей новейшего немецкого любомудрия. И по мере того как это любомудрие распространялось вне Германии, вместе с ним распространялась уверенность, что оно составляет последнее звено и верховный венец философского мышления.

Но тот же Шеллинг, который первый создал систему тождества, теперь сам открывает новую цель и прокладывает новую дорогу для философии. Истинное познание, говорит он, познание *положительное, живое*, составляющее конечную цель всех требований нашего ума, не заключается в логическом развитии необходимых законов нашего разума. Оно вне школьно-логического процесса и потому *живое*; оно *выше* понятия вечной необходимости и потому *положительное*; оно существеннее математической отвлеченности и потому *индивидуально-определенное*, историческое. Но все системы новейшего любомудрия, под какими бы формами они ни обнаруживались, под какими бы ни скрывались именами, преследовали единственно развитие законов умственной необходимости, и даже новейший материализм основывался на убеждении чисто логическом, выведенном из отвлеченного понятия законов нашего разума, но не из живого познания сущности вещей и бытия. Весь результат такого мышления мог заключаться только в познании *отрицательном*, ибо разум, сам себя развивающий, сам собою и ограничивается. Познания отрицательные необходимы, но не как цель познания, а только как средство, они очистили нам дорогу к храму живой мудрости, но у входа его должны были остановиться. Проникнуть далее предоставлено философии *положительной, исторической*, для которой теперь наступает время, ибо теперь только довершено развитие философии отрицательной и логической.

Очевидно, что это требование исторической сущности и положительности в философии, сближая весь круг умозрительных наук с жизнью и действительностью, соответствует тому же направлению, какое господствует и в новейшей литературе. И то же стремление к сущности, то же сближение духовной деятельности с действительностью жизни обнаруживается во мнениях религиозных.

Мы уже заметили, что с легкомысленным и насмешливым неверием, распространенным Вольтером и его последователями, боролся мечтательный мистицизм, который, однако же, по сущности своей доступен только для немногих и, следовательно, не мог преодолеть почти всеобщего вольтеровского вольнодумства. Но чего не мог совершить мистицизм, то совершилось

¹⁷ Идеализмом в данном случае именуется субъективный идеализм Фихте. – *Сост.*

¹⁸ Под *рационализмом* в данном случае подразумеваются рационалистические и материалистические черты воззрений Спинозы. – *Сост.*

¹⁹ В философской системе Канта подвергались критическому рассмотрению формы познания и границы познавательных способностей человека. – *Сост.*

²⁰ *Предусмотренная гармония* – категория в философской системе Лейбница, обозначающая высшую упорядоченность, вносимую в мир абсолютном. – *Сост.*

²¹ Первый этап деятельности Шеллинга и созданное им натурфилософское учение отразилось в труде «Система трансцендентального идеализма» (1800); затем Шеллинг создает так называемую *философию тождества*, а с 1815 г. переходит к *философии мифологии и откровения*, которая носила религиозно-мистический характер. – *Сост.*

успехами просвещения вообще, искоренившего некоторые злоупотребления и уничтожившего предрассудки, которые мешали беспристрастию. Теперь, благодаря сим успехам просвещения, уважение к религии сделалось почти повсеместным, исключая, может быть, Италию, где тон легкомысленного безверия, данный Вольтером, еще во всей силе, но где просвещение и не в этом одном отстало от образованной Европы.

Но это уважение к религии по большей части сопровождалось каким-то равнодушием, которое противоречило дальнейшему развитию просвещения и которое теперь начинает проходить вместе с распространением более истинных понятий. Ибо недавно еще как понимала религию большая часть людей просвещенных? Либо как совокупность обрядов, либо как внутреннее, индивидуальное убеждение в известных истинах. Но это ли религия?

Нет, религия не один образ и не одно убеждение. Для полного развития не только истинной, но даже и ложной религии необходимо единомыслие народа, освященное яркими воспоминаниями, развитое в преданиях односмысленных, соприкнутое с устройством государственным, олицетворенное в обрядах однозначительных и общенародных, сведенное к одному началу положительному и ощутительное во всех гражданских и семейственных отношениях. Без этих условий есть убеждение, есть обряды, но собственно религии – нет.

Истина эта особенно распространяется в наше время, когда жизнь народов развита глубже и многостороннее и когда потребность религии стала ощутительна не в одних умозрениях. Замечательно, что и паписты, и иезуиты, и сенсимонисты, и протестанты-супранатуралисты, и даже рационалисты – одним словом, все религиозные партии, которые теперь в таком множестве волнуются по Европе и которые несогласны между собой во всем остальном, все, однако же, в одном сходятся: *в требовании большего сближения религии с жизнью людей и народов.*

Такая же потребность сближения с жизнью заметна и в целом мире европейской образованности. Везде господствует направление чисто практическое и деятельно положительное. Везде дело берет верх над системою, сущность над формою, существенность над умозрением. Жизнь и общество становятся прямее и проще в своих отношениях, яснее и естественнее в своих требованиях. То искусственное равновесие противоборствующих начал, которое недавно еще почиталось в Европе единственным условием твердого общественного устройства, начинает заменяться равновесием естественным, основанным на просвещении общего мнения.

Может быть, это просвещение общего мнения только мечта, которая разрушится опытом. Может быть, это счастливая истина, которая подтвердится благоденствием обществ. Но мечта или истина – решит Провидение: мы заметим только, что вера в эту мечту или в эту истину составляет основание господствующего характера настоящего времени и служит связью между деятельностью практической и стремлением к просвещению вообще. Ибо направление практическое тогда только может быть венцом просвещения, когда частная жизнь составляет одно с жизнью общественной, когда жизнь деятельная, образованная общим мнением, устроена вместе по законам разума и природы. В противном случае, т. е. когда просвещение общего мнения в разногласии с основными мнениями людей просвещенных, жизнь идет по одной дороге, а успехи ума – по другой, и даже в людях необыкновенных, составляющих исключение из своего времени, эти две дороги сходятся редко и только в некоторых точках.

Может ли один человек образовать себе жизнь особую посреди общества, образованного иначе? Нет, в жизни внутренней, духовной, одинокий, будет он искать дополнения жизни внешней и действительной. Он будет поэтом, будет историком, разыскателем, философом и только иногда *человеком*, ибо в тесном кругу немногих сосредоточено поприще его практической деятельности.

Вот почему главный характер просвещения в Европе был прежде попеременно поэтический, исторический, художественный, философский и только в наше время мог образоваться

чисто *практический*. Человек нашего времени уже не смотрит на жизнь как на простое условие развития духовного, но видит в ней вместе и средство и цель бытия, вершину и корень всех отраслей умственного и сердечного просвещения. Ибо жизнь явилась ему существом разумным и мыслящим, способным понимать его и отвечать ему, как художнику Пигмалиону его одушевленная статуя²².

Обратимся теперь к просвещению нашего отечества и посмотрим, как отражалась на нем жизнь просвещения европейского.

Жизнь европейского просвещения девятнадцатого века не имела на Россию того влияния, которое она имела на другие государства Европы. Изменение и развитие сей жизни отзывались у нас в образе мыслей некоторых людей образованных, отражались в некоторых оттенках нашей литературы, но далее не проникали. Какая-то китайская стена стоит между Россией и Европой и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада; стена, в которой Великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери; стена, которую Екатерина²³ долго старалась разрушить, которая ежедневно разрушается более и более, но, несмотря на то, все еще стоит высоко и мешает.

Скоро ли разрушится она? Скоро ли образованность наша возвысится до той степени, до которой дошли просвещенные государства Европы? Что должны мы делать, чтобы достигнуть этой цели или содействовать ее достижению? Изнутри ли собственной жизни должны мы заимствовать просвещение свое или получать его из Европы? И какое начало должны мы развивать внутри собственной жизни? И что должны мы заимствовать от просветившихся прежде нас?

Чтобы отвечать на эти вопросы, надобно определить характер и степень просвещения европейского и их взаимные отношения.

Как же относится русское просвещение к европейскому? На этот вопрос слышим мы ежедневно столько же ответов, сколько встречаем людей, считающих себя образованными. Между тем от понятия, которое мы имеем об отношениях России к Европе, зависят наши суждения о том, что может ускорить или замедлить наше просвещение; о том, что дает ему ложное или истинное направление; о том, к чему мы должны стремиться и чего избегать; о том, что нам полезно и вредно, что мы должны заимствовать у соседей наших и чего удаляться, и, следовательно, вся совокупность наших мыслей о России, о будущей судьбе ее просвещения и настоящем положении; вся совокупность наших надежд и ожиданий; вся совокупность наших желаний и ненавистей и – если мы хотим быть согласны сами с собою – самый характер нашей практической деятельности, посредственно или непосредственно, должен зависеть от *того понятия, которое мы имеем об отношении русского просвещения к просвещению остальной Европы*.

Итак, нет истины, которой признание было бы важнее; нет мнения, в котором общее согласие было бы благодательнее.

Но общее мнение составляется из частных. Там, где оно еще не составилось или не обнаружилось явно, ничей голос не может быть лишней; напротив, каждый обязан произносить свой приговор, ибо приговор каждого может содействовать к образованию общего. Вот почему я постараюсь высказать здесь свое мнение хотя в общих чертах и сколько позволят мне необходимые условия журнальной статьи. Если читатель найдет мои мысли ошибочными, то по крайней мере увидит в них искреннее стремление к истине и потому, я надеюсь, не оставит

²² В греческой мифологии Пигмалион, скульптор на острове Кипр, вырезал из слоновой кости статую и полюбил ее. Скульптор делал ей подарки, одевал в дорогие одежды, но статуя продолжала оставаться статуей, а любовь безответной. Во время посвященного богине Афродите праздника Пигмалион обратился к ней с мольбой дать ему жену столь же прекрасную, как и выполненная им скульптура. Осмелиться попросить оживить холодное изваяние Пигмалион не решился. Тронутая такой любовью, Афродита оживила статую, которая стала женой Пигмалиона. – *Сост.*

²³ Речь идет об императрице Екатерине II. – *Сост.*

их без внимания; я надеюсь также, что благонамеренные литераторы не откажутся почтить их своими замечаниями, исправят ошибочное и подтвердят справедливое.

Я знаю, что общие мысли, не развитые в ощутительных подробностях, редко понимаются в том смысле, в каком их хотят представить; ибо редко, даже человеку с талантом, удается найти выражение простое и незапутанное, когда он говорит общими выводами о предметах сложных и подлежащих не одному разуму, но вместе и опыту, и памяти, и личным соображениям каждого. Потому я никогда не решился бы начать этой статьи, если бы не смотрел на нее единственно как на введение к подробнейшему изложению моих мыслей; если бы не надеялся каждую из них развить особенно и в применениях к действительности подтвердить и пояснить то, что в кратком очерке не может быть представлено иначе как умозрительно.

Не со вчерашнего дня родилась Россия: тысячелетие прошло с тех пор, как она начала себя помнить; и не каждое из образованных государств Европы может похвалиться столь длинной цепью столь ранних воспоминаний. Но несмотря на эту долгую жизнь, просвещение наше едва начинается, и Россия, в ряду государств образованных, почитается еще государством молодым. И это недавно начавшееся просвещение, включающее нас в состав европейских обществ, не было плодом нашей прежней жизни, необходимым следствием нашего внутреннего развития; оно пришло к нам извне, и частью даже насильственно, так что внешняя форма его до сих пор еще находится в противоречии с формой нашей национальности.

Очевидно, что причины, столь долгое время удалявшие Россию от образованности, не могут быть случайными, но должны заключаться в самой сущности ее внутренней жизни; и хотя в каждую эпоху нашей истории находим мы особенные и различные обстоятельства, мешавшие нашему развитию, совокупность сих обстоятельств заставляет нас заключить, что враждебное влияние их зависело не столько от их случайного явления, сколько от коренного образования первоначальных элементов нашего быта, и, может быть, то же обстоятельство, которое вредило просвещению в России, могло бы способствовать его успехам в Италии или в Англии.

Но если даже случайные внешние причины останавливали успехи нашей образованности, то все же влияние сих причин должно было условливаться состоянием России; и внешнее обстоятельство, действуя таким образом, становилось уже одним из элементов внутренней жизни, одною из постоянных пружин последующего развития. Следовательно, прежде нежели мы приступим к вопросу, какое отношение между просвещением России и Европы существует теперь, мы должны еще рассмотреть, какие элементы личной и гражданской образованности представляет нам прошедшая жизнь России и в каком отношении находились эти элементы к просвещению европейскому.

От самого падения Римской империи до наших времен просвещение Европы представляется нам в постепенном развитии и в непрерывной последовательности. Каждая эпоха условливается предыдущею, и всегда прежняя заключает в себе семена будущей, так что в каждой из них появляются те же стихии, но в полнейшем развитии.

Стихии сии можно подвести к трем началам: 1-е – влияние христианской религии; 2-е – характер, образованность и дух варварских народов, разрушивших Римскую империю; 3-е – остатки древнего мира. Из этих трех начал развилась вся история новейшей Европы. Которого же из них недоставало нам или что имели мы лишнего?

Еще прежде десятого века имели мы христианскую религию; были у нас и варвары, и, вероятно, те же, которые разрушили Римскую империю, но *классического древнего мира* недоставало нашему развитию. Посмотрим, какое отличие произошло оттого в нашей истории.

Известно и после ученых разысканий Савиньи²⁴, после глубокомысленных соображений Гизо²⁵ уже несомненно, что все продолжение средних, так называемых варварских, веков рим-

²⁴ Савиньи Ф. К. История римского права в средние века. Т. 1–7. 1815–1831. – *Сост.*

ские законы, римское устройство, разнообразно измененные, иногда смешанно, иногда чисто, но всегда очевидно существовали во всех местах Европы, куда прежде простиралось римское владычество. Эти законы, эти устройства, примешиваясь к обычаям варваров, естественно, должны были способствовать их образованию и действовать на их гражданский быт, а часто и на личное их просвещение. Но очевиднее всего влияние их на устройство торговых городов, которые, сделавшись независимыми, стали одной из сильнейших пружин и одним из необходимых элементов европейского образования.

У нас также были Новгород и Псков; но внутреннее устройство их (занятое по большей части из сношений с иностранцами) тогда только могло бы содействовать к просвещению нашему, когда бы ему не противоречило все состояние остальной России. Но при том порядке вещей, который существовал тогда в нашем отечестве, не только Новгород и Псков должны были быть задавлены сильнейшими соседями, но даже их просвещение, процветавшее столь долгое время, не оставило почти никаких следов в нашей истории – так несогласно оно было с целой совокупностью нашего быта.

Но еще важнее, чем на образование вольных городов, действовало устройство древнего мира на внешнее образование Римской церкви и на ее политическое влияние во времена средних веков. Известно, что гражданская власть духовенства в Европе была прямым наследием устройства римского и что светское правление епископов было устроено по образцам римским, еще уцелевшим в частях, когда целое уже и разрушилось²⁵. Самая противоположность, которая существует между духом древнего языческого мира и христианством, должна была служить к усилению последнего и к его многостороннейшему развитию; ибо, находясь в постоянной борьбе со всем его окружающим, христианство получало беспрестанно новые силы от беспрестанно новых успехов и, побеждая язычество, подчиняло себе его просвещение. Таким образом, являлось оно в двух различных видах двум противоположным и борющимся стихиям: на остатки древнего мира христианство действовало как противоположное ему, обновляющее, преобразовывающее начало, которое разрушает для того, чтобы создать новое; варварам оно являлось как начало созидательное, образовывающее, как источник просвещения, порядка и единства посреди разногласного, нестройного и невежественного брожения; и это двойное отношение христианства к новому и древнему миру сделало его центром обоих и средоточием всех элементов европейского развития. Оттого в обновленной Европе христианская религия стала не только источником духовного образования, но и главою устройства политического. Она была первым звеном того феодального порядка, который связал в одну систему все различные государства Европы; на ней утверждена была Святая Римская империя; она была первой стихией того рыцарства, которое распространило один нравственный кодекс посреди разнородных политических отношений; она была единственным узлом между всеми нестройными элементами и всеми различными народами; она дала один дух всей Европе, подняла крестовые походы и, быв источником единодуший и порядка, остановила набеги варваров и положила преграду нашествиям мусульман.

В России христианская религия была еще чище и святее. Но недостаток классического мира был причиной тому, что влияние нашей церкви во времена необразованные не было ни так решительно, ни так всемогуще, как влияние церкви Римской. Последняя, как центр политического устройства, возбудила одну душу в различных телах и создала таким образом ту крепкую связь христианского мира, которая спасла его путь от нашествий иноверцев; у нас сила эта была не столь ощутительна, не столь всемогуща. И Россия, раздробленная на уделы,

²⁵ Гизо Ф. Курс современной истории (История цивилизации в Европе. История цивилизации во Франции). Т. 1–6. 1828–1830. – *Сост.*

²⁶ Еще римские императоры предоставили епископам почти неограниченную власть над городами, и *эта власть*, говорит Тьерри, *беспрестанно возрастая после падения Римской империи, почти везде переобразовалась в господство феодальное*. – И. К.См.: Тьерри О. Письма по истории Франции. – *Сост.*

не связанные духовно, на несколько веков подпала владычеству татар, на долгое время остановивших ее на пути к просвещению.

Ненужным почитаю я доказывать здесь, что система раздробления была свойственна не одной России, что она была во всей Европе и особенно развилась во Франции, несмотря на то остановившей стремительный натиск арабов²⁷. Но мелкие королевства, связанные между собой сомнительной и слабой подчиненностью политической, были соединены более ощутительно узами религии и церкви. Известно также, что дети владетелей таких королевств наследовали поровну владения своего отца, раздробляя его таким образом более и более, и что образ внутреннего управления их во многом походил на образ управления наших удельных князей. Из этого, однако, не следует, что феодальная система и система уделов были одно и то же, как утверждали у нас некоторые писатели²⁸; ибо, не говоря уже о другом, одна зависимость феодального устройства от церкви, служащей первым основанием всех феодальных прав и отношений, уже полагает такое различие между двумя системами, что непонятно, каким образом многие из литераторов наших хотя на минуту могли почитать их одинаковыми. Но, с другой стороны, феодальное устройство представляет столько сходного с нашими уделами, что нельзя не предположить, что система уделов была одним из элементов феодализма²⁹.

Этот элемент, отчужденный от всего остального образования Европы, произвел у нас то устройство, которого следствием были татары, коим мы не могли противопоставить ни зрелой образованности, ни силы единодушия. Не имея довольно просвещения для того, чтобы соединиться против них *духовно*, мы могли избавиться от них единственно *физическим*, материальным соединением, до которого достигнуть могли мы только в течение столетий. Таким образом, очевидно, что и нашествие татар, и влияние их на последующее развитие наше имело основание одно: *недостаток классического мира*. Ибо теперь даже разделите Россию на такие уделы, на какие она разделена была в XII веке, – и завтра же родятся для нее новые татары, если не в Азии, то в Европе. Но если бы мы наследовали остатки классического мира, то религия наша имела бы более политической силы, мы обладали бы большей образованностью, большим единодушием, и, следовательно, самая разделенность наша не имела бы ни того варварского характера, ни таких пагубных последствий.

Этот же недостаток образованности общего развивающегося духа, происходящий от недостатка классического мира, отзывается и в самой эпохе нашего освобождения от татар. Нам не предстояло другого средства избавиться от угнетения иноплеменного, как посредством соединения и сосредоточения сил; но так как силы наши были преимущественно физические и материальные, то и соединение наше было не столько выражением единодушия, сколько простым материальным совокуплением; и сосредоточение сил было единственно сосредоточением физическим, не смягченным, не просвещенным образованностью. Потому избавление наше от татар происходило медленно и, совершившись, должноствовало на долгое время остановить Россию в том тяжелом закоснении, в том оцепенении духовной деятельности, которые происходили от слишком большого перевеса силы материальной над силой нравственной образованности. Это объясняет нам многое и, между прочим, показывает причины географической огромности России.

²⁷ Seulement en Belgique et sur les bords du Rhin on a compté jusqu'à cent vingt-trois grandes terres, possédées par les rois de la seconde race. Augustin Thierry, Lettres sur l'Histoire de France, Lettre XII. – *И. К.* В одной только Бельгии и вдоль Рейна было сто двадцать три обширных владения, принадлежавших королям боковой ветви. Огюстен Тьерри. Письма по истории Франции. Письмо XII (*фр.*). – *Сост.*

²⁸ Сходство европейской феодальной системы с русской системой княжеских уделов особенно подчеркивал Н. А. Полевой. См.: История русского народа Н. А. Полевого. М., 1830. Ч. 2. С. 85. — *Сост.*

²⁹ Сходство сие служит одним из убедительнейших доказательств общего происхождения варягов, нашедших на Россию, и германских народов, разрушивших Римскую империю. Но одинакие обычаи сих варваров должны были измениться различно, смотря по различию тех земель, куда они являлись, и, вероятно, то же начало, которое у нас произвело систему уделов, в Европе образовалось в систему феодального устройства. – *И. К.*

Пятнадцатый век был для Европы веком изобретений, открытий, успехов умственных и гражданских. Но пятнадцатый век был приготовлен четырнадцатым, который сам был следствием предыдущих, развившихся под влиянием остатков древнего мира. Это влияние сначала обнаруживалось образованностью и силою Римской церкви; но потом, когда просвещение уже распространилось в самом быте народа и вкоренилось в светской гражданственности, тогда и церковь перестала быть единственным проводником образованности, и Европа обратилась прямо к своим умственным праотцам – к Риму и Греции. И это новое, самопознававшееся стремление к миру классическому обнаруживается не только в высших умах, в людях, стоящих впереди своего народа; оно обнаруживается не только в науках и искусствах, дышавших единственно освеженными воспоминаниями о греках и римлянах, но даже и в самом устройстве их гражданственности и национальности. И еще прежде падения греческой империи уже итальянские республики образовались по образцу древних, между тем как архитектура, живопись, ваяние, науки и самый патриотизм в Италии носили глубокую печать одного идеала – классического мира.

Таким образом, для новой Европы совершился круг полного наследования прежнего просвещения человечества. Таким образом, новейшее просвещение есть не отрывок, но продолжение умственной жизни человеческого рода. Таким образом, государства, причастные образованности европейской, внутри самих себя совместили все элементы просвещения всемирного, сопроникнутого с самой национальностью их.

И на Западе, почти в то же время, как у нас, происходила подобная кристаллизация сил и элементов: мелкие королевства соединялись в большие массы, частные силы сосредоточивались в подчиненности одной силе общей. Но это сосредоточение и соединение имели совершенно другой характер оттого, что частные силы, частные элементы были образованны, развиты и самобытны. И тут и там идет борьба за национальность, независимость и целость; и тут и там стремление к сосредоточению и единству; но там просвещение уже развитое, следовательно, знаменем борьбы, целью стремления является всегда мысль религиозная или политическая; тут место мысли заступает лицо, частное событие, самозванец.

Только с того времени, как история наша позволила нам сблизиться с Европой, т. е. со времени Минина и Пожарского³⁰, начало у нас распространяться и *просвещение в истинном смысле сего слова*, т. е. не отдельное развитие нашей особенности, но участие в общей жизни просвещенного мира, ибо отдельное, китайски особенное развитие заметно у нас и прежде введения образованности европейской, но это развитие не могло иметь успеха *общечеловеческого*, ибо ему недоставало одного из необходимых элементов всемирной прогрессии ума.

Что это европейское просвещение начало вводиться у нас гораздо прежде Петра, и особенно при Алексее Михайловиче³¹, – это доказывается тысячью оставшихся следов и преданий. Но несмотря на то, начало сие было слабо и ничтожно в сравнении с тем, что совершил Петр, что, говоря о нашей образованности, мы обыкновенно называем его основателем нашей новой жизни и родоначальником нашего умственного развития. Ибо прежде всего просвещение вводилось к нам мало-помалу и *отрывисто*, отчего, по мере своего появления в России, оно искажалось влиянием нашей пересиливающей национальности. Но переворот, совершенный Петром, был не столько развитием, сколько переломом нашей национальности, не столько внутренним успехом, сколько внешним нововведением.

Но могло ли просвещение прийти к нам иначе, как посредством перелома в нашем развитии, иначе, как в виде внешней силы, противоположной нашему прежнему быту, сражаю-

³⁰ Подразумевается война России с Польшей и Швецией в 1610–1618 гг. и связанное с этой войной оживление политических отношений с Германией, Англией, Голландией и Данией. – *Сост.*

³¹ При царе Алексее Михайловиче западно-европейская культура интенсивно проникала в Россию, чему способствовали близкие к царю Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, женатый на англичанке Гамильтон; сам царь стоял одной ногой на русской почве, а другую занес на почву европейскую (выражение В. О. Ключевского). – *Сост.*

щейся с нашей национальностью на жизнь и смерть и долженствующей не помириться с ней, но победить ее, покорить своему владычеству, преобразовать, породить новое?

Ответ на этот вопрос выводится ясно из предыдущего; и если в нашей прежней жизни не доставало одного из необходимых элементов просвещения – мира классического, – то как могли бы мы достигнуть образованности, не заимствуя ее извне? И образованность заимствованная не должна ли быть в борьбе с чуждой ей национальностью?

Просвещение человечества как мысль, как наука развивается постепенно, последовательно. Каждая эпоха человеческого бытия имеет своих представителей в тех народах, где образованность процветает полнее других. Но эти народы до тех пор служат представителями своей эпохи, покуда ее господствующий характер совпадает с господствующим характером их просвещения. Когда же просвещение человечества, довершив естественный период своего развития, идет далее и, следовательно, изменяет характер свой, тогда и народы, выражавшие сей характер своею образованностью, перестают быть представителями всемирной истории. Их место заступают другие, коих особенность всего более согласуется с наступающей эпохой. Эти новые представители человечества продолжают начатое их предшественниками, наследуют все плоды их образованности и извлекают из них семена нового развития. Таким образом, с тех самых пор, с которых начинаются самые первые воспоминания истории, видим мы неразрывную связь и постепенный, последовательный ход в жизни человеческого ума; и если по временам просвещение являлось как бы останавливающимся, засыпающим, то из этого сна человек пробуждался всегда с большей бодростью, с большей свежестью ума и продолжал вчерашнюю жизнь с новыми силами. Вот отчего просвещение каждого народа измеряется не суммой его познаний, не утонченностью и сложностью той машины, которую называют гражданственностью, – но единственно участием его в просвещении всего человечества, тем местом, которое он занимает в общем ходе человеческого развития. Ибо просвещение одинокое, китайски отделенное, должно быть и китайски ограниченное: в нем нет жизни, нет блага, ибо нет прогрессии, нет того успеха, который добывается только совокупными усилиями человечества.

На чем же основываются те, которые обвиняют Петра, утверждая, будто он дал ложное направление образованности нашей, заимствуя ее из просвещенной Европы, а не развивая изнутри нашего быта?

Эти обвинители великого создателя России с некоторого времени распространились у нас более чем когда-либо, и мы знаем, откуда почерпнули они свой образ мыслей. Они говорят нам о просвещении национальном, самобытном, не велят заимствовать, бранят нововведения и хотят возвратить нас к коренному и стариннорусскому. Но что же? Если рассмотреть внимательно, то это самое стремление к национальности есть не что иное, как непонятое повторение мыслей чужих, мыслей европейских, занятых у французов, у немцев, у англичан и необдуманно применяемых к России. Действительно, лет десять тому назад стремление к национальности было господствующим в самых просвещенных государствах Европы: все обратилось к своему народному, к своему особенному, но там это стремление имело свой смысл: там просвещение и национальность одно, ибо первое развилось из последней. Потому если немцы искали чисто немецкого, то это не противоречило их образованности, напротив, образованность их таким образом доходила только до своего сознания, получала более самобытности, более полноты и твердости. Но у нас искать национального значит искать необразованного, развивать его на счет европейских нововведений значит изгонять просвещение, ибо не имея достаточных элементов для внутреннего развития образованности, откуда возьмем мы ее, если не из Европы? Разве самая образованность европейская не была последствием просвещения древнего мира? Разве не представляет она теперь просвещения общечеловеческого? Разве не в таком же отношении находится она к России, в каком просвещение классическое находится в Европе?

Правда, есть минуты в жизни Петра, где, действуя иначе, он был бы согласен сам с собой, согласен с той мыслью, которая одушевляла его в продолжение всей жизни. Но эта мысль, но общий характер его деятельности, но образованность России, им начатая, – вот основание его величия и нашего будущего благоденствия! Ибо благоденствие наше зависит от нашего просвещения, а им обязаны мы Петру. Потому будем осмотрительны, когда речь идет о преобразовании, им совершенном. Не позабудем, что те, которые осуждают его, не столько часто увлекаются ложной системой, сколько под нею скрывают свою корыстную ненависть к просвещению и его благодетельным последствиям, ибо невежество, как преступник, не спит ночью и боится дня.

Екатерина II действовала в том же духе, в каком работал великий Петр. Она также поставила просвещение России целью своего царствования и также всеми средствами старалась передать нам образованность европейскую. Может быть, средства сии были не всегда самые приличные тогдашнему состоянию России, но, несмотря на то, образованность европейская начала распространяться у нас видимо и ощутительно только в царствование Екатерины. Причина тому заключается, по моему мнению, не столько в том, что Екатерина нашла в России уже многое приготовленным, сколько в том особенном направлении, которое просвещение Европы начало принимать в половине восемнадцатого века.

Мы видим, что с половины восемнадцатого века просвещение в Европе приняло направление, противоположное прежнему. Новые начала и старые явились в борьбе, различно измененной, но всегда осмысленной. Мы видели, что в науках, в искусствах, в жизни, в литературе, одним словом, в целой сфере умственного развития Европы новые успехи³² хотя были последствием прежнего развития, но, несмотря на то, принимали характер противоположный ему и с ним несовместный, как плод, который родился и созрел на дереве, но, созрев, отпадает от него и служит семенем нового дерева, которое вытесняет старое.

Для большего пояснения возьмем еще несколько примеров. Нет сомнения, что изобретение паровых машин есть следствие европейского просвещения, что оно благодетельно для рода человеческого вообще и для будущих успехов промышленности. Но настоящее состояние промышленности европейской, которое также есть следствие предыдущего, противоречит успехам сего изобретения. Миллионы людей должны искать новых средств к пропитанию, между тем как средства сии и без того затруднены следствием прежнего устройства промышленности. Но паровые машины еще в начале своих применений, еще тысячи новых работ будут заменены ими: какой же сильный переворот должен произойти в промышленности европейской! Какое противоречие между прежним порядком вещей и новыми успехами просвещения!

То же, что и о промышленности, можно сказать и о юриспруденции. Римские законы, мы видели, были основанием образованности и началом законного порядка. Но польза их уже кончилась, и теперь они являются в противоречии с потребностями гражданского устройства. Между тем во многих государствах они еще имеют силу живую и не могут быть заменены иначе, как с совершенным преобразованием уложений.

Внешнее устройство Римской церкви было первым источником европейской образованности, но именно потому формы сего устройства должны были совершенно соответствовать тому времени, в которое они произошли. Естественно, что с изменением времени и формы сии в некоторых государствах во многих отношениях не совмещались с новыми потребностями. Оттого явились реформации, нарушившие единство европейской церкви, а в некоторых землях водворилось совершенное безверие, которое с трудом побеждается теперь успехами светского просвещения.

³² Не должно смешивать успехи истинные с мнимыми и нововведения мечтательные, вредные с необходимым развитием просвещения. – И. К.

Так, образованность европейская является нам в двух видах: как просвещение Европы прежде и после половины восемнадцатого века. Старое просвещение связано неразрывно с целой системой своего постепенного развития, и, чтобы быть ему причастным, надобно пережить снова всю прежнюю жизнь Европы. Новое просвещение противоположно старому и существует самобытно. Потому народ, начинающий образовываться, может заимствовать его прямо и водворить у себя без предыдущего, непосредственно применяя его к своему настоящему быту. Вот почему и в России и в Америке просвещение начало приметно распространяться не прежде восемнадцатого и особенно в девятнадцатом веке.

Сказанное нами достаточно для того, чтобы вывести нужные результаты и данные для определения настоящего характера нашей образованности и ее отношений к просвещению общечеловеческому. Но мы предоставляем сделать сей вывод самим читателям, ибо если нам удалось изложить наши мысли ясно и убедительно, то результаты их очевидны. Если же, читая статью сию, читатели не разделяли нашего мнения, то и последствия сего мнения покажутся им произвольными и неосновательными.

§ 2. В ответ А. С. Хомякову³³

Статья г-на Хомякова возбудила во многих из нас желание написать ему возражение. Потому я хотел сначала уступить это удовольствие другим и предложить вам статью об ином предмете. Но потом, когда я обдумал, что понятие наше об отношении прошедшего состояния России к настоящему принадлежит не к таким вопросам, о которых мы можем иметь безнаказанно то или другое мнение, как о предметах литературы, о музыке или о иностранной политике, но составляет, так сказать, существенную часть нас самих, ибо входит в малейшее обстоятельство, в каждую минуту нашей жизни; когда я обдумал еще, что каждый из нас имеет об этом предмете отличное от других мнение, тогда я решился писать, думая, что моя статья не может помешать другому говорить о том же, потому что это дело для каждого важно, мнения всех различны и единомыслие могло бы быть не бесполезно для всех.

Вопрос обыкновенно предлагается таким образом: прежняя Россия, в которой порядок вещей слагался из собственных ее элементов, была ли лучше или хуже теперешней России, где порядок вещей подчинен преобладанию элемента западного? Если прежняя Россия была лучше теперешней, говорят обыкновенно, то надобно желать возвратить старое, исключительно русское, и уничтожить западное, искажающее русскую особенность; если же прежняя Россия была хуже, то надобно стараться вводить все западное и истреблять особенность русскую³⁴.

Силлогизм, мне кажется, не совсем верный. Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах. Если же старое было хуже, то из этого также не следует, чтобы его элементы не могли сами собой развиться во что-нибудь лучшее, если бы только развитие это не было остановлено насильственным введением элемента чужого. Молодой дуб, конечно, ниже однолетней с ним ракиты, которая видна изда- лека, рано дает тень, рано кажется деревом и годится на дрова. Но вы, конечно, не услужите дубу тем, что привьете к нему ракиту.

Таким образом, и самый вопрос предложен неудовлетворительно. Вместо того чтобы спрашивать, лучше ли была прежняя Россия, – полезнее, кажется, спросить: нужно ли для улучшения нашей жизни теперь возвращение к старому русскому или нужно развитие элемента западного, ему противоположного?

Рассмотрим, какую пользу мы можем извлечь из решения этого вопроса.

Положим, что вследствие беспристрастных изысканий мы убедимся, что для нас особенно полезно бы было исключительное преобладание одного из двух противоположных бытов; положим притом, что мы находимся в возможности иметь самое сильное влияние на судьбу России, – то и тогда мы не могли бы от всех усилий наших ожидать исключительного преобладания одного из противоположных элементов, потому именно что хотя и один избран

³³ Статья написана зимой 1839 г. Первая публикация: Киреевский И.В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1861. Т. 1. С. 188–200. — *Сост.* Киреевские устраивали в своем доме традиционные вечера (еженедельные среды), на которых каждый из гостей по обыкновению читал свое новое произведение. Для одного из таких вечеров поэт, богослов и философ, основоположник раннего славянофильства Алексей Степанович Хомяков написал статью «О старом и новом» (см.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 1861. Т. 1. С. 359–377). Считается, что Хомяков своими высказываниями намеренно провоцировал И. В. Киреевского (или П. В. Киреевского?) на ответную статью. По-видимому, И. В. Киреевский читал свою статью в течение двух вечеров, о чем свидетельствует авторское замечание, имеющееся в середине текста. — *Сост.*

³⁴ В начале статьи «О старом и новом» А. С. Хомяков выдвинул тезис: «Говорят, в старые годы лучше было все в земле Русской...», а в завершение предложил вывод: «Вопрос представляется в виде многосложном и решение затруднительным: что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию? Приличны ли ей эти стихии? Много ли она утратила своих коренных начал и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?» (Хомяков А. С. О старом и новом. С. 363). — *Сост.*

в нашей теории, но другой вместе с ним существует *в действительности*. Сколько бы мы ни были врагами западного просвещения, западных обычаев и т. п., но можно ли без сумасшествия думать, что когда-нибудь какою-нибудь силою истребится в России память всего того, что она получила от Европы в продолжение двухсот лет? Можем ли мы не знать того, что знаем, забыть все, что умеем? Еще менее можно думать, что 1000-летие русское может совершенно уничтожиться от влияния нового европейского. Потому сколько бы мы ни желали возвращения русского или введения западного быта, – но ни того, ни другого исключительно ожидать не можем, а поневоле должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал.

Следовательно, и этот вид вопроса – который из двух элементов исключительно полезен теперь? – также предложен неправильно. Не в том дело, который из двух. Но в том, какое *оба* они должны получить направление, чтобы действовать благотельно. Чего от взаимного их действия должны мы надеяться или чего бояться?

Вот вопрос, как он существенно важен для каждого из нас: направление туда или сюда, а не приобретение того или другого.

Рассматривая основные начала жизни, образующие силы народности в России и на Западе, мы с первого взгляда открываем между ними одно очевидно общее: это христианство. Различие заключается в особенных видах христианства, в особенном направлении просвещения, в особенном смысле частного и народного быта. Откуда происходит общее, мы знаем, но откуда происходит различие и в чем заключается его характеристическая черта?

Два способа имеем мы для того, чтобы определить особенность Запада и России, и один из них должен служить поверкою другому. Мы можем или, восходя исторически к началу того или другого вида образованности, искать причину различия их в первых элементах, из которых они составились, или, рассматривая уже последующее развитие этих элементов, сравнивать самые результаты. И если найдется, что то же различие, какое мы заметим в элементах, окажется и в результатах их развития, тогда очевидно, что предположение наше верно, и, основываясь на нем, нам уже виднее будет, какие можно делать из него дальнейшие заключения.

Три элемента легли основанием европейской образованности: римское христианство, мир необразованных варваров, разрушивших Римскую империю, и классический мир древнего язычества.

Этот классический мир древнего язычества, не доставшийся в наследие России, в сущности своей представляет торжество формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится, – чистого, голого разума, на себе самом основанного, выше себя и вне себя ничего не признающего и являющегося в двух свойственных ему видах – в виде формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности. Действие классицизма на образованность европейскую должно было соответствовать тому же характеру.

Но потому ли, что христиане на Западе поддались незаконно влиянию классического мира или случайно ересь сошлась с язычеством, но только Римская церковь в уклонении своем от Восточной отличается именно тем же торжеством рационализма над Преданием, внешней разумности над внутренним духовным разумом. Так вследствие этого внешнего силлогизма, выведенного из понятия о Божественном равенстве Отца и Сына, изменен догмат о Троице³⁵, в противность духовному смыслу и Преданию; так вследствие другого силлогизма папа стал главою церкви вместо Иисуса Христа, потом мирским властителем, наконец, непо-

³⁵ Ряд важных положений римско-католического вероисповедания логически выведен католическими теологами из первоначального христианского учения и провозглашен произвольно в качестве догматов. Этим путем, считает И. В. Киреевский, было внесено рационалистически обоснованное изменение в догмат о Троице, а именно: третье лицо святой Троицы, Дух Святой, исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына (т. н. *filioque*), что было затем утверждено Ахенским собором (809 г.). Римско-католические теологи также логически доказывали преемственность власти, которую Христос во всей полноте якобы передал апостолу Петру, а тот передал ее римским епископам и, следовательно, всем их преемникам – папам. – *Сост.*

грешаемым; бытие Божие во всем христианстве доказывалось силлогизмом; вся совокупность веры опиралась на силлогистическую схоластику; инквизиция, иезуитизм – одним словом, все особенности католицизма развились силою того же формального процесса разума, так что и самый протестантизм, который католики упрекают в рациональности, произошел прямо из рациональности католицизма³⁶. В этом последнем торжестве формального разума над верою и Преданием пронизательный ум мог уже наперед видеть в зародыше всю теперешнюю судьбу Европы как следствие вотще начатого начала, т. е. и Штрауса³⁷, и новую философию со всеми ее видами, и индустриализм как пружину общественной жизни, и филантропию, основанную на рассчитанном своекорыстии, и систему воспитания, ускоренную силою возбужденной зависти, и Гёте, венец новой поэзии, литературного Талейрана, меняющего свою красоту, как тот свои правительства, и Наполеона, и героя нового времени, идеал бездушного расчета, и материальное большинство, плод рациональной политики, и Лудвига Филиппа, последний результат таких надежд и таких дорогих опытов!

Я совсем не имею намерения писать сатиру на Запад: никто больше меня не ценит тех удобств жизни общественной и частной, которые произошли от того же самого рационализма. Да если говорить откровенно, я и теперь еще люблю Запад, я связан с ним многими неразрывными сочувствиями. Я принадлежу ему моим воспитанием, моими привычками жизни, моими вкусами, моим спорным складом ума, даже сердечными моими привычками; но в сердце человека есть такие движения, есть такие требования в уме, такой смысл в жизни, которые сильнее всех привычек и вкусов, сильнее всех приятностей жизни и выгод внешней разумности, без которых ни человек, ни народ не могут жить своею настоящею жизнью. Потому, вполне оценивая все отдельные выгоды рациональности, я думаю, что в конечном развитии она своею болезненной неудовлетворительностью явно обнаруживается началом односторонним, обманчивым, обольстительным и предательским. Впрочем, распространяться об этом было бы здесь неуместно. Я припомню только, что все высокие умы Европы жалуются на теперешнее состояние нравственной апатии, на недостаток убеждений, на всеобщий эгоизм, требуют новой духовной силы вне разума, требуют новой пружины жизни вне расчета – одним словом, ищут веры и не могут найти ее у себя, ибо христианство на Западе исказилось своемыслием.

Таким образом, рационализм и вначале был лишним элементом в образовании Европы, и теперь является исключительным характером просвещения и быта европейского. Это будет еще очевиднее, если мы сравним основные начала общественного и частного быта Запада с основными началами того общественного и частного быта, который если не развивался вполне, то по крайней мере ясно обозначился в прежней России, находившейся под прямым влиянием чистого христианства, без примеси мира языческого.

Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и условных постановлений важнее личности. Каждый индивидуум – частный человек, рыцарь, князь или город *внутри своих прав* – есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы. Первый шаг каждого лица в общество есть окружение себя крепостию, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими и независимыми властями.

³⁶ О Западной церкви А. С. Хомяков непосредственно пишет следующее: «Связанная с бытом житейским и языческим на Западе, она долго была темною и бессознательною, но деятельною и сухо-практическою; потом, оторвавшись от Востока и стремясь пояснить себя, она обратилась к рационализму, утратила чистоту, заключила в себе ядовитое начало будущего падения, но овладела грубым человечеством, развила его силы вещественные и умственные и создала мир прекрасный, соблазнительный, но обреченный на гибель, мир католицизма и реформатства» (Хомяков А. С. О старом и новом. С. 369). – *Сост.*

³⁷ В книге «Жизнь Иисуса, критически переработанная» (1835–1836) Д. Ф. Штраус критикует ортодоксальную версию происхождения христианства, отрицая историческую достоверность евангельских преданий. – *Сост.*

В прошедший раз я не закончил статьи моей, а потому обязан продолжать ее теперь. Я говорил о различии просвещения в России и на Западе. У нас образовательное начало заключалось в нашей церкви. Там вместе с христианством действовали на развитие просвещения еще плодоносные остатки древнего языческого мира. Самое христианство западное, отделившись от вселенской церкви, приняло в себя зародыши того начала, которое составляло общий оттенок всего греко-языческого развития, – начала рационализма. Потому и характер образованности европейской отличается перевесом рациональности.

Впрочем, этот перевес обнаружился только впоследствии, когда логическое развитие, можно сказать, уже задавило христианское. Но вначале рационализм, как я сказал, является только в зародыше. Римская церковь отделилась от Восточной тем, что некоторые догматы, существовавшие в *Предании* всего христианства, она изменила на другие, вследствие *умозаключения*. Некоторые распространила, вследствие того же логического процесса и также в противность преданию и духу церкви вселенской. Таким образом, логическое убеждение легло в самое первое основание католицизма. Но этим и ограничилось действие рационализма на первое время.

Внутреннее и внешнее устройство церкви, уже совершившееся прежде в другом духе, до тех пор существовало без очевидного изменения, покуда вся совокупность церковного учения не перешла в сознание мыслящей части духовенства. Это совершилось в схоластической философии, которая, по причине логического начала в самом основании церкви, не могла иначе согласить противоречие веры и разума, как силою силлогизма, сделавшегося таким образом первым условием всякого убеждения. Сначала, естественно, этот же самый силлогизм доказывал веру против разума и подчинял ей разум силою разумных доводов. Но эта вера, логически доказанная и логически противопоставленная разуму, была уже не живая, но формальная вера, не вера собственно, а только логическое отрицание разума. Потому в этот период схоластического развития католицизма, именно по причине рациональности своей, Западная церковь является врагом разума, угнетающим, убийственным, отчаянным врагом его. Но, развившись до крайности, продолжением того же логического процесса, это безусловное уничтожение разума произвело то известное противодействие, которого последствия составляют характер теперешнего просвещения. Вот что я разумел, говоря о рациональном элементе католицизма.

Христианство восточное не знало ни этой борьбы веры против разума, ни этого торжества разума над верою. Потому и действия его на просвещение были не похожи на католические.

Рассматривая общественное устройство прежней России, мы находим многие отличия от Запада и, во-первых, образование общества в маленькие так называемые миры. Частная, личная самобытность, основа западного развития, была у нас так же мало известна, как и самовластие общественное. Человек принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо участвовало во столько в праве владения, во сколько входило в состав общества.

Но это общество не было самовластное и не могло само себя устраивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других ему подобных обществ, управлявшихся однообразным обычаем. Бесчисленное множество этих маленьких миров, составлявших Россию, было все покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинакие понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение – в обычай, который заменял закон³⁸, устраивая по всему пространству земель, подвластных

³⁸ А. С. Хомяков об отношении обычая и закона высказался следующим образом: «Сличение всех памятников, если не ошибаюсь, приведет нас к тому простому заключению, что прежде, как и теперь, было постоянное несогласие между законом и жизнью, между учреждениями писаными и живыми нравами народными. Тогда, как и теперь, закон был то лучше, то хуже обычая и, редко исполняемый, то портился, то исправлялся в приложении. Примем это толкование как истину, и все перемены

нашей церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни. Это повсеместное однообразие обычая было, вероятно, одною из причин его невероятной крепости, сохранившей его живые остатки даже до нашего времени, сквозь все противодействие разрушительных влияний, в продолжение двухсот лет стремившихся ввести на место его новые начала.

Вследствие этих крепких, однообразных и повсеместных обычаев всякое изменение в общественном устройстве, не согласное со строем целого, было невозможно. Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же predetermined порядке подчинялась семья миру, мир более обширный – сходке, сходка – вечу и т. д., покуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной православной церкви. Никакое частное разумение, никакое искусственное соглашение не могло основать нового порядка, выдумать новые права и преимущества. Даже самое слово *право* было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду. Потому никакая власть никакому лицу, ни сословию не могла ни даровать, ни уступить никакого нрава, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни браться, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений. На Западе, напротив того, все отношения общественные основаны на *условии* или стремятся достигнуть этого искусственного основания. *Вне* условия нет отношений правильных, но является произвол, который в правительственном классе называют *самовластием*, в управляемом – *свободою*. Но и в том и в другом случае этот произвол доказывает не развитие внутренней жизни, а развитие внешней, формальной. Все силы, все интересы, все права общественные существуют там отдельно, каждый сам по себе, и соединяются не по нормальному закону, а – или в случайном порядке, или в искусственном соглашении. В первом случае торжествует материальная сила, во втором – сумма индивидуальных разумений. Но материальная сила, материальный перевес, материальное большинство, сумма индивидуальных разумений, в сущности, составляют одно начало, только в разных моментах своего развития. Потому *общественный договор*³⁹ не есть изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стремились без сознания, а теперь стремятся с сознанием все западные общества под влиянием рационального элемента, переносившего элемент христианский.

В России мы не знаем хорошо границ княжеской власти прежде подчинения удельных княжеств московскому, но, если сообразим, что сила неизменяемого обычая делала всякое самовластное законодательство невозможным; что разбор и суд, который в некоторых случаях принадлежал князю, не мог совершаться несогласно со всеобъемлющими обычаями, ни толкование этих обычаев, по той же причине, не могло быть произвольное; что общий ход дел принадлежал мирам и приказам, судившим также по обычаю вековому и потому всем известному; наконец, что в крайних случаях князь, нарушавший правильность своих отношений к народу и церкви, был изгоняем самим народом, – сообразивши все это, кажется очевидно, что собственно княжеская власть заключалась более в предводительстве дружин, чем во внутреннем управлении, более в вооруженном покровительстве, чем во владении областями⁴⁰.

Вообще, кажется, России так же мало известны были мелкие властители Запада, употреблявшие общество как бездушную собственность в свою личную пользу, как ей неизвестны

быта русского объясняется. Мы поймем, как легко могли измениться отношения видимые, и в то же время будем знать, что изменения редко касались сущности отношения между людьми и учреждениями, между государством, гражданами и церковью» (Хомяков А. С. О старом и новом. С. 363). – *Сост.*

³⁹ Общественный договор – учение (Гоббс, Гассенди, Спиноза, Локк, Руссо) о том, что государство и право возникли в результате сознательно заключенного между людьми договора, чему некогда предшествовало анархическое состояние общества. – *Сост.*

⁴⁰ О границах княжеской власти в домонгольской Руси у А. С. Хомякова написано следующее: «Правительство из варягов представляет внешнюю сторону, областные вече – внутреннюю сторону государства. Во всей России исполнительная власть, защита границ, сношения с державами соседними находятся в руках одной варяго-русской семьи, начальствующей над наемною дружиною; суд правды, сохранение обычаев, решение всех вопросов правления внутреннего предоставлены народному совещанию. Везде, по всей России, устройство почти одинаковое» (Хомяков А. С. О старом и новом. С. 368). – *Сост.*

были и благородные рыцари Запада, опиравшиеся на личной силе, крепостях и железных латах, не признававшие другого закона, кроме собственного меча и условных правил чести, основанных на законе самоуправства.

Впрочем, рыцарства у нас не было по другим причинам.

С первого взгляда кажется непонятным, почему у нас не возникло чего-нибудь подобного рыцарству, по крайней мере во время татар? Общества были разрознены, власть не имела материальной силы, каждый мог переходить с места на место, леса были глубокие, полиция была еще не выдумана; отчего бы, кажется, не составиться обществам людей, которые бы пользовались превосходством своей силы над мирными земледельцами и горожанами, грабили, управлялись, как хотели, захватили бы себе отдельные земли, деревни и строили бы там крепости; составили бы между собой известные правила и, таким образом, образовали бы особенный класс сильнейшего сословия, которое, по причине силы, могло бы назваться и благороднейшим сословием? Церковь могла бы воспользоваться ими, образуя из них отдельные ордена с отдельными уставами и употребляя их против неверных, подобно западным крестоносцам. Отчего же не сделалось этого?

Именно потому, я думаю, что церковь наша в то время не продавала чистоты своей за временные выгоды. У нас были богатыри только до введения христианства. После введения христианства у нас были разбойники, шайки устроенные, еще до сих пор сохранившиеся в наших песнях, но шайки, отверженные церковью и потому бессильные. Ничего не было бы легче, как возбудить у нас крестовые походы, причислив разбойников к служителям церкви и обещав им прощение грехов за убийство неверных: всякий пошел бы в честные разбойники. Католицизм так и действовал: он не поднял народы за веру, но только бродивших направил к одной цели, назвав их святыми. Наша церковь этого не сделала, и потому мы не имели рыцарства, а вместе с ним и того аристократического класса, который был главным элементом всего западного образования.

Где больше было неустройства на Западе, там больше и сильнее было рыцарство; в Италии его было всего менее. Где менее было рыцарства, там более общество склонялось к устройству народному, где более, там более к единовластному. Единовластие само собой рождается из аристократии, когда сильнейший покоряет слабейших и потом правитель на условиях переходит в правителя безусловного, соединяясь против класса благородных с классом *подлых*, как Европа называла народ. Этот класс *подлых*, по общей формуле общественного развития Европы, вступил в права благородного, и та же сила, которая делала самовластным одного, естественным своим развитием переносила власть в материальное большинство, которое уже само изобретает для себя какое-нибудь формальное устройство и до сих пор еще находится в процессе изобретения.

Таким образом, как Западная церковь образовала из разбойников рыцарей, из духовной власти власть светскую, из светской полиции святую инквизицию, что все, может быть, имело свои временные выгоды, – таким же образом действовала она и в отношении к наукам, искусствам языческим. Не изнутри себя произвела она новое искусство христианское, но прежнее, рожденное и воспитанное другим духом, другую жизнь, направила к украшению своего храма. Оттого искусство романтическое заиграло новою блестящею жизнью, но окончилось поклонением язычеству и теперь кланяется отвлеченным формулам философии, покуда не возвратится мир к истинному христианству и не явится миру новый служитель христианской красоты.

Науки существенною частию своею, т. е. как познания, принадлежат равно языческому и христианскому миру и различаются только своею философскою стороною. Этой философскою стороною христианства католицизм не мог сообщить им потому, что сам не имел ее в чистом виде. Оттого видим мы, что науки, как наследие языческое, процветали так сильно в Европе, но окончились безбожием как необходимым следствием своего одностороннего развития.

Россия не блестела ни художествами, ни учеными изобретениями, не имея времени развиться в этом отношении самобытно и не принимая чужого развития, основанного на ложном взгляде и потому враждебного ее христианскому духу. Но зато в ней хранилось первое условие развития правильного, требующего только времени и благоприятных обстоятельств: в ней собиралось и жило то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное основание наукам. Все Святые Отцы греческие, не исключая самых глубоких писателей, были переведены, и читаны, и переписываемы, и изучаемы в тишине наших монастырей, этих святых зародышей несбывшихся университетов. «Исаак Сирий»⁴¹, глубокомысленнейшее из всех философских писаний, до сих пор еще находится в списках XII–XIII веков. И эти монастыри были в живом, беспрестанном соприкосновении с народом. Какое просвещение в нашем *подлом* классе не вправе мы заключить из этого одного факта! Но это просвещение не блестящее, но глубокое, не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее, духовное; это устройство общественное, без самовластия и рабства, без благородных и подлых; эти обычаи вековые, без писаных кодексов, исходящие из церкви и крепкие согласием нравов с учением веры; эти святые монастыри, расадники христианского устройства, духовное сердце России, в которых хранились все условия будущего самобытного просвещения; эти отшельники, из роскошной жизни уходившие в леса, в недоступных ущельях изучавшие писания глубочайших мудрецов христианской Греции и выходившие оттуда учить народ, их понимавший; эти образованные сельские приговоры; эти городские веча; это раздолье русской жизни, которое сохранилось в песнях, – куда все это делось? Как могло это уничтожиться, не принеся плода? Как могло оно уступить насилию чужого элемента? Как возможен был Петр⁴², разрушитель русского и вводитель немецкого? Если же разрушение началось прежде Петра, то как могло Московское княжество, соединивши Россию, задавить ее? Отчего соединение различных частей в одно целое произошло не другим образом? Отчего при этом случае должно было торжествовать иностранное, а не русское начало?

Один факт в нашей истории объясняет нам причину такого несчастного переворота: этот факт есть *Стоглавый собор*⁴³. Как скоро ересь⁴⁴ явилась в церкви, так раздор духа должен был отразиться и в жизни. Явились партии, более или менее уклоняющиеся от истины. Партия

⁴¹ Имеются в виду поучения преподобного Исаака Сирина, находившиеся в Киево-Печерской лавре и на Афоне. – *Сост.*

⁴² А. С. Хомяков видел в реформах Петра I завершение тех процессов утверждения государства, начало которым положили его предшественники. «Явился Петр, и по какому-то странному инстинкту души высокой, обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув все прекрасное и святое значение слова “государство”, он ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза. Удар по сословию судей-воров; удар по боярам, думающим о родах своих и забывающим Родину; удар по монахам, ищущим душеспасения в келиях и поборов по городам, а забывающим церковь, и человечество, и братство христианское. За кого из них заступится история? Много ошибок помрачат славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы. Средства, им употребленные, были грубые и вещественные, но не забудем, что силы духовные принадлежат народу и церкви, а не правительству. Правительству же предоставлено только пробуждать или убивать их деятельность каким-то насилием, более или менее суровым; но грустно подумать, что тот, кто так живо и сильно понял смысл государства, кто поработил вполне ему свою личность, так же как и личность всех подданных, не вспомнил в то же время, что там только сила, где любовь, а любовь только там, где личная свобода» (Хомяков А. С. О старом и новом. С. 375–376). – *Сост.*

⁴³ Стоглавый собор – русский церковный собор 1551 г. На нем особенно явно обнаружилось внутреннее противоречие русской церкви. Московская *иосифлянская* (Иосиф Волоцкий) церковь приобретала все большее влияние и укрепляла свои связи с царской властью. Отстаиваемый ею церковный уклад одерживал верх над старой *нестяжательской* (Нил Сорский) удельной церковью. – *Сост.*

⁴⁴ Имеется в виду ересь жидовствующих, иначе новгородско-московская ересь – идейное течение, охватившее часть русского общества в конце XV века, в основном Новгорода и Москвы. Как следует из названия ереси, предполагается, что в мировоззрении или религиозной практике адептов присутствовали элементы иудаизма. Возможно, включая непризнание божественной природы Иисуса Христа и отрицание связанных с этим догматов, а также следование некоторым обрядовым предписаниям иудаизма. Несмотря на обилие исследований и публикаций по ереси, согласного мнения о ее природе, происхождении и месте в русском средневековом обществе – нет. Зачастую его связывают с протестантскими и реформаторскими тенденциями в русском обществе. – *Сост.*

нововводительная одолела партию старины именно потому, что старина разорвана была разномыслием. Оттуда, при разрушении связи духовной, внутренней, явилась необходимость связи вещественной, формальной, оттуда местничество, опричнина, рабство и т. п. Оттуда искажение книг по заблуждению и невежеству и исправление их по частному разумению и произвольной критике. Оттуда перед Петром правительство в разномыслии с большинством народа, отвергаемого под названием раскольников. Оттого Петр, как начальник партии в государстве, образует общество в обществе и все, что за тем следует.

Какой же результат всего сказанного? Желать ли нам возвратить прошедшее России и можно ли возвратить его? Если правда, что самая особенность русского быта заключалась в его живом исхождении из чистого христианства и что форма этого быта упала вместе с ослаблением духа, то теперь эта мертвая форма не имела бы решительно никакой важности. Возвращать ее насильственно было бы смешно, когда бы не было вредно. Но истреблять оставшиеся формы может только тот, кто не верит, что когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь.

Желать теперь остается нам только одного: чтобы какой-нибудь француз понял оригинальность учения христианского, как оно заключается в нашей церкви, и написал об этом статью в журнале; чтобы немец, поверивши ему, изучил нашу церковь поглубже и стал бы доказывать на лекциях, что в ней совсем неожиданно открывается именно то, чего теперь требует просвещение Европы. Тогда, без сомнения, мы поверили бы французам и немцам и сами узнали бы то, что имеем.

§ 3. Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России⁴⁵

Грамотность и вообще первоначальное обучение народа может быть полезно и вредно, смотря по характеру самого обучения и тем обстоятельствам, в которых находится обучаемый класс.

Полезная сторона образованности очевидна и всеми признана. Обыкновенно думают, что она исправляет и развивает понятия о религии и нравственности, облегчает и расширяет частную деятельность, смягчает нравы, сближает классы, открывает дорогу дарованиям необыкновенным, часто затерянным и зарытым в невежестве, дает возможность к познанию законов, помогает уничтожению злоупотреблений судопроизводства, приготавливает развитие общей государственной справедливости, расширяет потребности жизни, ускоряет обращение капиталов и пр. и пр.

Но что если понятия, получаемые народом посредством грамотности, будут неистинные или вредные? Если вера вместо своего утверждения и развития встретит только запутанность и колебание? Если нравственность классов высших хуже народной, и, следовательно, большее сближение с ними ослабит нравы и привычки добрые, вместо того чтобы просветить и просветлить их? Если, выходя из прежнего круга понятий, простолюдин не находит другого круга сомкнутого, полного и удовлетворительного, но встречает смещение познаний, без опоры для ума, без укрепления для души? Что если прежнее состояние так называемого невежества было только состоянием безграмотности? Если, может быть, народ уже прежде имел и хранил в изустных и обычных преданиях своих все корни понятий, необходимых для правильного и здорового развития духа? Если его ошибки против нравственности были не столько следствием ложных мнений, сколько следствием человеческой слабости, сознающей, впрочем, свою незаконность, – слабости, которая обыкновенно только увеличивается посредством грамотности? Если большее *познание* законов не увеличит *чувства* законности? Если, основываясь на худшей нравственности, оно произведет одно желание – подыскиваться под буквальность форм и пользоваться познанием закона только для безопаснейшего уклонения от него? Если словесность государства или ее часть, доступная народу, представит ему пищу для ума бесполезную, не представляя необходимой, и выведет его любопытство из сферы близкого и нравственного в сферу чужого, смешанного, ненужного и если не прямо безнравственного, то уничтожающего нравственность своею холодностью к ней, своею беззаботностью о существенном, магнетически сообщающуюся уму людей простодушных, доверчивых, всегда склонных к подражанию, всегда готовых верить первому говорящему и особенно говорящему книгою, всегда близких к самосомнению, всегда недовольных всяким стеснением, недовольных советами благоразумия,

⁴⁵ Написано в 1839 г. Первая публикация: Müller E. Russischer intellect in europäischer Krise. Ivan V. Kireevsky (1806–1856). Köln; Graz, 1966. S. 485–496. В 1839 г. И. В. Киреевский был выбран почетным смотрителем Белёвского уездного училища и эту должность занимал до своей кончины. Уездные училища назывались так по месту своего нахождения (в уездных городах). Уездные училища считались начальными учебными заведениями 2-й ступени (после приходских училищ) и предназначались для обучения мещанских и купеческих детей (в течение трех лет). В уездных училищах преподавались Закон Божий и священная история, русский язык, арифметика и геометрия, география, русская и всеобщая история, чистописание, черчение и рисование. Приняв на себя обязанности почетного смотрителя, И. В. Киреевский должен был не только заботиться о материальном благосостоянии училища, держать под надзором его хозяйственную часть, но и следить за его управлением, присутствуя на педагогических советах. «Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России» с изложением взглядов И. В. Киреевского на народное образование была адресована его непосредственному начальнику – графу С. Г. Строганову, попечителю Московского учебного округа, который и убедил Ивана Васильевича принять должность смотрителя. С. Г. Строганов был попечителем Московского учебного округа в 1835–1847 гг., снискав заслуженное уважение просвещенной московской публики; в 1836–1848 и 1857–1874 гг. – председателем Императорского Общества истории и древностей российских при Императорском Московском университете. – *Сост.*

всегда склонных принимать уроки прошедшего за неповторимые и надеяться всего от будущего, которое, по их мнению, есть только отдаленное исполнение их собственных желаний?

Само собою разумеется, что последствия такого порядка вещей могут быть губельны. Видимое смягчение нравов не заменит разврата нравственности, улучшения внешние не заменят упадка внутреннего, наслаждения чувственности – страданий душевных, неизбежных с развратом, с утратою личного достоинства и взаимной доверенности, с холодностью к ближнему, с расчетливостью вместо совести, с своекорыстием, с обманом, с корыстолюбием, с брожением развязанных страстей, с преследованием невозможной мечты, беспрестанно изменяющей форму и в сущности своей сводящейся всегда на одно чувственное удовольствие.

Как должен поступать в этом случае человек благонамеренный? Чего должен он желать, чему содействовать?

Труден выбор между невежеством и развратом. Впрочем, если бы даже и возможно было частному убеждению решиться на выбор одного из этих двух зол, то, во всяком случае, исполнение его мысли было бы невозможно. Избрав невежество, мы забываем, что оно не может оставаться в одинаковой степени, но непременно влечет за собою собственное свое возрастание и при некотором усилении достигает того же разврата, которого мы хотели избегнуть.

Кроме того, грамотность и элементы первоначального просвещения уже так распространены в наше время, что совершенно уклониться от их влияния невозможно и, следовательно, противодействовать им значило бы допустить их распространение беззаконное, контрабандное, не допуская законного и хотя несколько целительного.

Приверженцы первоначального образования оправдывают зло, им производимое, возможностью будущего искупающего усовершенствования; приверженцы невежества не имеют и этого утешения.

Взгляд на Россию особенно убеждает в истине, что невежество низшего класса не спасает его от разврата. Каково бы ни было наше мнение о прежней образованности нашего народа, предположим ли мы ее в непонятно высоком развитии, как думают некоторые, или даже на той самой степени, на какой она находится теперь, – ибо низшей степени мы предположить не вправе, – но во всяком случае должны мы будем сознаваться, что недвижимость умственная не сохранила народа от упадка нравственного. В доказательство заметим постепенно и явно охлаждающееся чувство к вере, давно уже распространенное неуважение к духовенству, беспрестанно более и более увеличивающуюся страсть к вину, особенно в городах, где более просвещения, – между тем как тому назад триста лет вино не только не было *необходимою* потребностью народа, но даже вовсе было неизвестно в России; потом – постыдные болезни разврата, беспрестанно более и более искажающие народ; потом – ослабление семейных устройств, легкость в нарушении клятвы и пр.

Но, может быть, скажут, что причина упадка народной нравственности заключается не прямо в его невежестве, но скорее в разврате высших более или менее прикосновенных с ним классов. Во всяком случае, однако, невежество не было для народа защитой, и нельзя не сознаться, что, сравнив теперешнее его состояние с прошедшим, сообразив вместе только одни вышеприведенные черты его упадка, страшно за будущее. Ибо со всех сторон грозит ему искажение: физическое, нравственное, религиозное, общежительное и все, что за тем следует, – если возрастание зла не остановится.

Конечно, ложность просвещения высшего класса и ложность отношений этого просвещения к народу были одною из главнейших причин его упадка. Но, с другой стороны, надобно согласиться, что способы первоначального образования народа могли бы и могут хотя несколько содействовать к его улучшению. Рассмотрим эти способы.

Грамотность, отдельно взятая, отдельно от развития известных положительных истин, отдельно от всякого определенного направления, непонятно почему могла бы быть полезна и желательна. Соединяя понятия народа с ходячею литературою, она особенно сблизит его с

произведениями так называемого *легкого* чтения – чтения приятного, бесцельного, по крайней мере бесполезного и потому именно всего более сродного умам необразованным даже и в том случае, когда бы литература государства была богата произведениями другого рода, особенно для народа составленными, примененными к его понятиям и потребностям, согласенными с его коренными убеждениями. Но словесность текущая, сообщающая низшему классу понятия, господствующие в общем направлении умов, нечувствительно поставляет его образ мыслей в противоречие с понятиями веры, из которой до сих пор он почерпал всю, так сказать, организацию своих убеждений, и этот внутренний разбор, конечно, не может быть средством к его улучшению. Чтобы грамотность, *отдельно взятая*, была полезна для народа, надобно, чтобы прежде изменился характер словесности вообще и господствующий образ мыслей высших классов, производящих у нас словесность. Но это событие должно зародиться в университетах и, так сказать, пробиться сквозь всю массу настоящего просвещения, прежде чем достигнет до народа.

Сведения технические, кроме общего результата, заключающегося в усовершенствовании государственных промышленности, имеют еще и ту неоспоримую выгоду, что обучаемому классу дают возможность к улучшениям хотя физического своего благосостояния. Но и здесь одно печальное замечание встречается нас, именно то, что почти все ремесленники наши подвержены разврату, что, чем выгоднее ремесло, тем более разврата, чем сильнее и развитее природное дарование, тем более оно окружается слабостью.

Из этого наблюдения, кажется, нельзя не вынести, что даже и техническая образованность теряет свою пользу, когда она не соединяется с устройством других пружин, очищающих и сохраняющих нравственность.

О других науках, обыкновенно преподаваемых в народных школах, как-то: о первых началах *истории, географии, арифметики* – можно сказать почти то же, что о сведениях технических, выключая только, что они имеют менее влияния на улучшение физического благосостояния. Но и они могут быть полезны, или бесполезны, или даже вредны, смотря по нравственному направлению лица, их приобретшего. Населения городских кабаков и не менее развратных мест судейских писцов и приказных большею частью состоят из грамотного и ученого класса простого народа.

Какое же просвещение остается еще для народа? Остается *познание веры*.

С первого взгляда кажется, что изучение догматов веры не имеет ни одного из неудобств других образованностей и, напротив того, может служить исправлением их недостатков. Но при более внимательном рассмотрении нельзя не согласиться, что и это предположение имеет свои ограничения, если мы будем говорить о той методе обучения, которая теперь употребляется в наших первоначальных училищах. Конечно, познание религии само по себе не может быть вредным, но при некоторых обстоятельствах, кажется, оно могло бы быть еще полезнее. Постараюсь развить эту мысль.

Вера не есть только знание. Она есть убеждение, связанное с жизнью, дающее особенный цвет, особенный склад всем другим мыслям и понятиям и определяющее поступки человека столько же своею непосредственною силою, сколько влиянием своим на посторонние мысли, понятия, желания и чувства, часто не имеющие с нею видимого соприкосновения. Но в отношении своем к догмату вера имеет несколько общего с чувством изящного: ни одно философское определение красоты не может сообщить понятия о ней в той полноте и силе, ни даже в той правильности, в какой сообщает его одно воззрение на изящное произведение. Таким образом, и вера передается более примером жизни и воли, чем словом, более словом применения, чем словом объяснения, – и если дело идет о догмате, то, конечно, более простым его изложением, чем ученым доказательством.

В прежние времена, когда, без сомнения, было более веры, изложения догматов было без сравнения менее. Общепризнанное преподавание их есть нововведение весьма недавнее, кото-

рому первый пример подали государства протестантские. Но в протестантских государствах вера, лишенная таинственной стороны своей, вся и вполне заключается в разумном понятии догматов. Там она одна из наук, основанных на развитии чистого разума и ежедневной наблюдательности, там вера действует на убеждение наравне с расчетом вероятностей, а потому не только не противоречит настоящему, логически-материальному развитию просвещения, но, напротив, находит в нем свое прямое дополнение и подтверждение. Оттого, может быть, замечаем мы особенное процветание элементарных школ в государствах протестантских, оттого грамотность там не портит, но исправляет нравственность низшего класса, ибо не разрушает в нем чувства религиозного, не имеющего ничего таинственного и превышающего простой обыкновенный разум. У нас, напротив, главная сила веры заключается не в расчетливом избрании выгоднейшего для жизни, но в убеждении, заключающемся *вне* обыкновенного логического процесса. Потому хотя в сущности своей оно не противоречит истинному развитию разума, но из него одного не выводится; когда же является единственно в форме знания или догматики, то теряет лучшую часть своей силы. Может быть, даже (если выбирать крайности) для православного христианина, знакомого только с теми догматами, которые *и вне школ не могут не быть ему известны*, полезнее было бы знать то, что он не знает своей веры, чем думать, что он достаточно изучил ее.

К тому же не надобно забывать, что неверие, по счастью до сих пор распространившееся у нас только в высших классах, произошло не от незнания догматов, но незнание или забвение их было уже следствием неверия. Причины последнего должно искать не в ложных понятиях о догматах, но в ложном развитии мыслей, *окружающих* веру, а именно в ложном образовании понятий, принадлежащих *философии*, и особенно ее логической части. Вникая в историю европейских убеждений, можно, кажется, доказать очевидно, что ни шутки Вольтера, несмотря на все его остроумие, ни злоупотребления западного духовенства, ни брожения политических и гражданских интересов не могли бы распространить почти всеобщего упадка веры в прошедшем веке, если бы век не бы приготовлен к тому *материальностию своих логических понятий*. Ибо, не признавая ничего в познании, кроме чувственных отражений, мог ли ум человеческий допустить духовность и в понятиях веры? Немецкие философии, уничтожив материальный взгляд на познавательную способность, уничтожили вместе и материальные понятия о предметах духовных в науках. Но в свою очередь они отдалили человека от веры односторонностью своего диалектического развития и своею ложною критикою ума, признающего логический разум верховным судиею истины. Другая критика познавательной способности, может быть, может восстановить истинное, здоровое воззрение ума на веру, но до сих пор нельзя не сознаться, что общий склад европейского разума противоречит истинному чувству веры, и потому нельзя не стараться о совокуплении всех возможных средств к поддержанию того, что есть существеннейшего для человека и народа. Потому я думаю, что догматическое обучение религии, *делающее из веры только одну из наук*, могло бы с большею пользой заменено быть другим способом передачи религиозных истин.

Наше богослужение заключает в себе полное и подробное изложение не только тех догматов, которые преподаются в школах, но даже почти всех вопросов, которые вообще могут тревожить любознательность ума просвещенного. Следовательно, если бы народ наш, ходя в церковь, понимал службу, то ему не нужно бы было учение катехизиса, — напротив, он знал бы несравненно более, чем сколько можно узнать из катехизиса, и каждую истину веры узнавал бы не памятью, но молитвою, просвещая вместе и разум, и сердце. Но для этого недостает нашему народу одного: познания *словенского языка*⁴⁶.

⁴⁶ О правописании И. В. Киреевским слова *словенский* имеется его собственное объяснение в письме к старцу Макарию между 8 февраля и 17 марта 1847 г. См.: Наст. изд. Т. 3. — *Сост.*

По необыкновенно счастливому стечению обстоятельств словенский язык имеет то преимущество над русским, над латинским, над греческим и над всеми возможными языками, имеющими азбуку, что на нем нет *ни одной книги вредной*, ни одной бесполезной, не могущей усилить веру, очистить нравственность народа, укрепить связи его семейных, общественных и государственных отношений. Потому я думаю, что изучение его вместо утонченностей катехизиса и русской словесности могло бы служить одним из сильнейших противодействий тому, что может быть вредного для народа в науках, взятых *отдельно* от религии.

Если же изучение катехизиса не может быть совершенно отложено, если невозможно также преподавать его сокращенное, оставляя в настоящем виде только для гимназий, а для народных училищ выпуская все философствования, подразделения, диалектические выводы и логические определения, – если это невозможно, говорю я, то, кажется, возможно бы было по крайней мере *не настаивать* в учении на этих утонченностях, обращая главное внимание на небольшое существенно нужное.

Изучение русской словесности также безвредно, кажется, может быть отложено до гимназии, ибо по приведенным причинам вряд ли в училищах оно принесет много пользы. По крайней мере, хорошо бы было ограничиться одною грамматикою, и то в самом кратком изложении, единственно в отношении *практическом*. Для этой цели, кажется, лучше других руководств может служить «Российская грамматика», изданная для народных школ по особому повелению Екатерины Второй⁴⁷. К ней могут быть прибавлены самые краткие правила правописания, но не думаю, чтобы полезно было прибавлять к ней метафизику синтаксиса.

Грамотность словенская уже самую особенность букв могла бы возбудить охоту к чтению книг духовных скорее, чем гражданских, – полезных скорее, чем бесполезных, а между тем она достаточна для преподавания в школах некоторых сведений технических, некоторой части географии, истории, арифметики, геометрии, приспособленной к народным понятиям, и даже некоторых необходимейших и особенно до обучаемого класса касающихся законов.

Само собою разумеется, что с изучением словенского языка должно соединяться изустное толкование молитв, Нового Завета, Псалтыри и возможно краткое объяснение литургии. Ибо не *незнание* веры желательно для народа, напротив, желательно только, чтобы способ узнавания развивал в нем *чувство* вместе с *понятием*. Школа должна быть не заменю, но необходимым *преддверием церкви*.

Таким образом, и другие науки, опираясь на чувство веры, могли бы оставлять след более полезный. Но самая метода их преподавания должна также соотноситься с главною целью обучения.

Двумя силами действует наука на человека: *суммою* заключающихся в ней понятий и *способом* их сообщения. Способ приобретения сведений развивает некоторые отдельные способности и сообщает некоторые привычки, то укрепляя память, то возбуждая сообразительность, то остроумие, то особенно смысл математический или механический и пр.

Потому при составлении учебных книг и при самом преподавании наук должно обращать внимание не столько на *передаваемые сведения*, сколько на *влияние самого способа преподавания*.

Обыкновенно думают, что единственное орудие для приобретения всякого рода сведений есть грамотность, и потому стараются особенно возбудить в учениках охоту к *чтению вообще*. Соображая с вышесказанным, я думаю противное. В первоначальных училищах, кажется, полезнее было бы возможно большее сообщение сведений о предметах нужных при возможно меньшем чтении. Ибо народ, переходящий прямо от школ к деятельности, в развитой охоте к *чтению вообще* найдет не средство к образованию, но только средство к подчи-

⁴⁷ Имеется в виду учебник Е. Б. Сырейщикова «Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей Императрицы Екатерины Второй» (СПб., 1787). – *Сост.*

нению своих понятий самой низкой частью литературы. В *гимназиях* отношение противное: там охота к *чтению вообще* может быть даже полезнее самых *сведений*, ибо более развивает ум и лучше приготавливает его к занятиям *университета*, где опять любовь к *неограниченному чтению* должна быть ограничена любовью к изучению *одного предмета*.

Сказанное, кажется, могло бы следующим образом применено быть к методам преподавания в училищах.

История состоит из двух частей: из хронологии и повествования. Первая требует памяти, так сказать, механической; вторая – тоже памяти, но оживленной воображением, соображением и до некоторой степени сочувствием. Потому хронология, кажется, могла бы удобно изучаться по методу Язвинского⁴⁸, если только учитель ограничится *самыми важнейшими событиями*, но повествование этих важнейших событий должно происходить изустно, с *подробностию, доведенною до занимательности анекдотической*, – относясь, разумеется, преимущественно к истории священной и русской.

Для такого преподавания хорошо бы иметь особые книги, где бы искусно выбрано было необходимое и где бы различными шрифтами отличено было назначенное для ученика от назначенного для учителя. Но за недостатком таких книг могут служить и настоящие, где на полях может быть замечено то, что должно *изучаться*, то, что должно *рассказываться*, и то, что должно быть *выпущено*.

Я думаю, для этого особенно полезно бы было издать для народных училищ *историю в картинах*, где бы каждое значительное событие, каждый особенный период времени имел свое изображение, где бы *каждый век* имел *свою краску*, как государства на географических картах, и где под каждым изображением нарисованы бы были *современные ему изобретения* в науках, искусствах, общежитии, ремеслах и т. п. Пример последнего можно найти в некоторых французских изданиях. Таким образом, цепь событий и история просвещения, взаимно связываясь, взаимно бы друг друга объясняли, а *одинаковость красок в одновременных событиях* могли бы, кажется, с успехом заменить даже для хронологии методу Язвинского, которая, без сомнения, имеет много полезного как средство, помогающее памяти, но зато имеет и вредную для развития ума сторону: бессмысленность самого процесса запоминания.

Обыкновенные методы преподавания *географии* имеют также свои неудобства. Они затрудняют память, передают большею частью одни названия без достаточного соединения с ними понятий, сообщают менее воззрений, чем слов, которым самое их множество не позволяет довольно укрепиться в памяти, и потому чрез короткое время они или совершенно забываются, или смешиваются в уме и большею частью остаются бесплодными. Пособить этим неудобствам, кажется, могла бы другая метода, превращающая книжное учение в рисование. Я предполагаю *черный глобус и несколько черных досок, по которым проведены белые линии в виде градусов*, рассекающие глобус и доски на квадраты. На этих досках могли бы ученики мелом списывать с карт границы государств, руководствуясь положением градусов, проводить реки, каналы и, где нужно, целые системы водяных сообщений, в отношении к ним обозначить места городов и таким образом невольно связывать с названиями мест мысль о их положении, о климате, о взаимной отдаленности, о средствах сообщения и пр. и пр. Занятие это было бы и приятнее для ученика, и быстрее для учения, и прочнее для памяти, и легче для учителя,

⁴⁸ А. Ф. Язвинский получил известность изобретением мнемонического (запоминание информации путем образования ассоциаций) метода преподавания, весьма популярного в его время и названного по имени автора *методом Язвинского*. Метод этот, достигавший блестящих результатов при изучении предметов, составляющих дело памяти, как, например, хронологии, основан на применении особых таблиц. Его таблица представляет квадрат, разделенный на сто клеток; при изучении хронологии каждая клетка представляет год, при изучении языков клетка соответствует звуку, букве. По мнению Язвинского, его таблица полезна не только в мнемоническом отношении, она не только является чисто механическим помощником для памяти, но служит также орудием «аналитическим и синтетическим». – *Сост.*

и полезнее для дальнейшего гимназического приобретения сведений, основываясь не на звуке слов, но на пластическом воззрении на землю.

Выигранное таким образом время можно бы употребить еще на другие предметы, ибо ученики в школе остаются иногда по четыре года и более. Так, если бы могла быть составлена для них особая книга из Свода законов, то, я думаю, не бесполезно было бы им (не изучая несколько судопроизводства, чтобы не получить охоты к тяжбам) узнать только исключительно *свои права и обязанности*.

Еще другой предмет, кажется, был бы не менее полезен, а именно преподавание некоторых *общих начал политической экономии*. Для этого также нужно особое сочинение, которое, впрочем, должно быть составлено с необыкновенной осторожностью. Ибо здесь каждая мысль парадоксальная или даже сомнительная может иметь видимо вредное влияние. Кроме того, сочинение должно быть написано кратко, понятно для ребенка, рассказывая, но не доказывая, предлагая примеры для каждой мысли, не касаясь излишних утонченностей и не касаясь экономии правительственной. Таким образом, все сочинение, заключаюсь в небольшом числе страниц, могло бы изложить общие начала ценности, законы изменения цен, разделения работ, силы капиталов, сущность и важность кредита и пр., и всегда постоянно имея в виду ту истину, которая служит основанием всех практических применений политической экономии, т. е. главная пружина *богатства* есть *кредит*, а главная пружина *кредита* есть *нравственность* и что источник всего есть *труд*.

Результаты сказанного сводятся к тому,

– что *направление* народного образования должно стремиться к развитию *чувства веры и нравственности* преимущественно перед *знанием*;

– что лучшее средство к сей цели есть *изучение словенского языка*, дающее возможность *церковному богослужению* действовать прямо на развитие и укрепление *народных понятий*;

– что *методы* преподавания в школах должны сообразоваться с самою *целью* первоначального обучения;

– что вследствие этого изменения *методы* должны клониться к *быстрейшему сообщению* возможно *больших сведений о предметах нужных* при *возможно меньшей книжности* и к соединению истин *практических с нравственными*.

Впрочем, вопрос о пользе предлагаемых изменений, отдельно рассматриваемых, не совпадает еще с вопросом о возможности их введения; и если введение их возможно, то в какой мере и в какой постепенности и не противоречит ли другим важнейшим отношениям? Только общий ход государственной машины может определить потребное движение отдельных колес.

Изложив мои мысли о первоначальном обучении народа, я с полной доверенностью представляю их Вашему сиятельству как откровенную исповедь моих убеждений об этом предмете. Там, где они противоречили общепринятым понятиям, я не столько заботился о полном выражении моих мыслей, сколько особенно о выражении этого противоречия; оттого, может быть, мнение мое не везде является в настоящем свете, как портрет, выражающий одни отличительные черты, является карикатурою, но я считал обязанностью более всего обозначить отличительность моего воззрения, чтобы Вы могли яснее судить о нем и легче определить мне *те границы, которых я не должен переступить в применении*. Ибо я думаю, что как бы ни было сильно убеждение частного человека и как бы ни было малозначительно место, вверенное ему от правительства, но пользоваться им, чтобы действовать несогласно с видами своего высокого доверителя, было бы нечестно.

Впрочем, полагаюсь на проницательность Вашего сиятельства в деле просвещения и на снисходительность Вашу в деле суда.

§ 4. Московским друзьям⁴⁹

Двадцать восьмого марта⁵⁰, в день 700-летия Москвы, несмотря на ужасную дорогу, несмотря на некоторые домашние обстоятельства, которые требовали моего присутствия дома, я отправился через всю Москву на Девичье поле к М. П. Погодину, потому что знал, что у него собираются в этот день некоторые из моих друзей, люди, соединенные между собою, кроме многих разнородных отношений, еще особенно общею им всем любовью к Москве, с именем которой смыкается более или менее образ мыслей каждого из нас, представляя с этой стороны преимущественно точку взаимного сочувствия.

Я надеялся, что когда такие люди соберутся вместе во имя Москвы, и без того соединяющей их мысли, то самое это обстоятельство оживит в них сознание их взаимного сочувствия. Сознание это, думал я, возбудит в них потребность отдать себе отчет в том, что именно есть общего между всеми и каждым; узнать, что остается еще разногласного, искать средства разрешить это разногласие и, наконец, понять возможность сочувствия более полного, более живого, более живительного и плодоносного.

Я ожидал много от этого дня. По камням и грязи, в санях, шагом тащился я полтора часа, довольно мучительно подпрыгивая на толчках и ухабах. Но чем труднее было путешествие, тем более утешался я мыслию, что люди, которые решатся на такой труд, вероятно, сделают это не без цели.

Как часто прежде, находясь в кругу этих людей, проникнутых одним благородным стремлением, но разделенных тысячью недоразумений, страдал я внутренне от тех однообразных повторений некоторых всем общих, но всеми различно понимаемых фраз, от той недоконченности всякой мысли, от тех бесконечных, горячих и вместе сухих, ученых, умных и вместе пустых споров, которые наполняли все их взаимные отношения и явно свидетельствовали о том, что темные сочувствия между ними не только не развились в единомыслие, но что даже они и не видали этого разногласия или, видевши, не тяготились им, не чувствовали потребности углубиться в самый корень своих убеждений и, укрепившись единомысленно вначале, согласиться потом и во всех его существенных приложениях и таким образом сомкнуться всем в одну живую силу, на общее дело жизни и мысли.

«Что могли бы сделать эти люди, – думал я, – если бы они отдали себе последний отчет в своих убеждениях и сознательно соединились вместе. Сколько лет жизни погибло понапрасну оттого только, что, соединясь случайно, они никогда не думали о соединении сознательном! Но вот теперь наконец собираются они во имя одной общей им мысли, наконец начнется новая жизнь в их избранном кругу».

Нужно ли продолжать? Каждый из нас знает, в чем состояло это соединение наше во имя общей вам мысли. По камням и грязи, по толчкам и ухабам тащились вы ровно без всякой цели. Когда же я видел, что собрание ваше кончается ничем, хотел я напомнить вам о причине, нас соединившей, о необходимости большей связи между нашими мнениями, о неясности, в которой убеждения наши находятся, не только относительно других, но даже и относительно нас самих; тогда некоторые из вас не могли рассуждать об этом, потому что должны были слушать Плесси, другие ехать на вечер, третьи по делам, а некоторые даже выразили ту мысль, что между нами недоразумений никаких нет; что если есть некоторые разномыслия, то они несущественны и происходят единственно от различия наших индивидуальностей и, следова-

⁴⁹ Написано в марте–апреле 1847 г. Первая публикация: Русский архив. 1904. Кн. 2. Вып. 8. С. 495–498. В примечании к публикации сообщается, что на авторской рукописи стоит помета: «А. И. Кошелев сказал не печатать». Последнее, по-видимому, послужило основанием того, что текст не вошел в первое собрание сочинений И. В. Киреевского (М., 1861). – *Сост.*

⁵⁰ По старому стилю. – *Сост.*

тельно, никогда разрешены в согласие быть не могут; что, впрочем, мы все отдали себе самый полный и крайний отчет в наших убеждениях и, следовательно, ни сами узнать, ни друг другу сообщить ничего нового не можем, кроме некоторых случайно тем или другим узанных фактов.

Против этого мнения, которое я полагаю не только несправедливым, но и прямо тлетворным, разрушительным для всякой возможности общего дела между нами, бесполезно будет, я думаю, выяснять те разногласия, которые находятся в наших мнениях, и пояснить те противоречия, которые доказывают неразвитость нашего внутреннего сознания.

Во-первых, мы называем себя славянами, и каждый понимает под этим словом различный смысл. Иной видит в славянизме только язык и единоплеменность, другой понимает в нем противоположность европеизму, третий – стремление к народности, четвертый – стремление к православию. Каждый выдает свое понятие за единственно законное и исключает все выходящее из другого начала. Но противоречат ли эти понятия и стремления одно другому или есть между ними что-либо общее, что связывает их в одно начало? Этого до сих пор между нами не объяснено. Если в самом деле наши различия в этом отношении только различные виды одного общего начала, то, сознав это, мы подчинили бы ему свои частные воззрения и не ослабляли бы друг друга бесконечными противоречиями.

2. Самое понятие о народности между нами также совершенно различно. Тот понимает под этим словом один так называемый *простой народ*; другой – *ту идею* народной особености, которая выражается в нашей истории; третий – те следы церковного устройства, которые остались в жизни и обычаях нашего народа и пр. Во всех этих понятиях есть нечто общее, есть и особенное. Принимая это особенное за общее, мы противоречим друг другу и мешаем правильному развитию собственных понятий. К тому же каждое из этих особых понятий противоречит само себе и потому доказывает неразвитость сознания. Так, например, в стремлении к народности полагают условие, так сказать, нашего спасения и возможность просвещения русского, и спасения Европы, и развития науки и изящств, и пр., а между тем народность ограничивать простонародностью значит отрезывать от начала народного все то, чего в этой простонародности не заключается, а что в ней заключается действительно народного, то принимать в виде одностороннем, т. е. особенное отражение его в простонародности почитать за его нормальное выражение. Если же прибавим, что при этом понятии требуется от каждого, кто не хочет погибнуть, как хворост в печи, чтобы он все усилия своего духа употребил на то, чтобы умиротворить в себе все, что может быть противно этой народности, и образовать себя и внутренне и внешне согласно понятиям и вкусам простого народа, то нельзя не согласиться, что в этом требовании заключается еще более несознательности. Ибо если можно требовать от человека, чтобы он работал над самим собою в виду первообраза истины, то это понятно потому, что дело идет о первообразе истины, а работать над собою для достижения простонародности можно бы было в таком только случае, если бы простонародность эта была непосредственным воплощением самой истины. Но как это предположить несообразно, то и требование остается как невозможное.

Также легко можно доказать, что и другие особенные понятия о народности заключают в себе внутреннее противоречие, как скоро мы примем их за полное выражение нашей народности вообще. А между тем народность в ее общем начале до сих пор еще нами не сознана и не выражена. Оттого понятия наши смешанны, требования необязательны и сочувствия неплодоносны.

Третье важное разногласие между нами заключается в понятии об отношениях народа к государственности. Здесь самые резкие крайности во мнениях делают всякое соглашение совершенно невозможным. А между тем мы не отдаем друг другу, а может быть, и себе самим отчета в тех началах, из которых особенность наших мнений проистекает, и притом уже

несколько лет стоим друг подле друга, не соединяясь, и, беспрестанно обращаясь в окольных мыслях, не подвигаемся ни на шаг вперед.

Не соглашаясь в этих понятиях, естественно, что мы расходились и в бесчисленном множестве понятий производных и второстепенных, которые в применяемости своей к жизни дают ей решительно тот или другой смысл.

Оттого ли расходимся мы, что не сознаем вполне основных понятий наших? Или сами по себе не отдали последнего отчета? Или мы не можем сойтись по несогласию коренных начал наших убеждений? Вопрос этот, кажется, не может не быть для нас вопросом первой важности. Для меня, по крайней мере, сочувствие с вами составляет, так сказать, половину моей нравственной жизни. Потому, кто в этом отношении сколько-нибудь сочувствует мне, тому предлагаю я следующее средство к разрешению наших недоумений или, по крайней мере, к некоторому приближению к этой цели: поставить себе в обязанность и дать друг другу слово, чтобы, хотя один раз в неделю, один или двое из нас изложили, хотя общими чертами, свое мнение о каком-либо из предметов, в которых мы не сходимся, и, прочтя это мнение другим, дали возможность каждому выразить об нем свое суждение, не для того чтобы выяснить только противоречие свое, но для того чтобы в самом противоречии отыскать черту общего сочувствия. Таким образом, восходя от начала к началу, мы дойдем, может быть, до тех оснований, согласие в которых может дать новую жизнь нашим мыслям и новый смысл нашей жизни.

§ 5. Каких перемен желал бы я в теперешнее время в России?⁵¹

Прежде всего желал бы я, чтобы в теперешнее время никаких существенных перемен в России не делалось, покуда европейские волнения⁵² не успокоятся и не установится там какой-нибудь твердый и ясный порядок вещей, который покажет нам, чего мы можем от них опасаться и чего надеяться.

Я желал бы, чтобы правительство наше не принимало никакого деятельного участия в делах западных, не вмешиваясь ни деньгами, ни поиском, ни за правительства, ни за народы, ни за словен, ни за немцев, ни за турков, ни против турков. Каждое деятельное вмешательство наше, всегда более или менее тягостное для России, будет для немцев только спасительною для них пружиною соединения и ни в каком случае не уничтожит результатов их умственного движения, но разве на время только может отдалить их и тем способствовать к более прочному водворению.

Быв же предоставлены собственному многоумию и собственной разнобоярщине, они поневоле придут к потребности немечтательного порядка, к раздроблению на несколько частей, из которых две или три будут словенские, и к добровольному подчинению нашему покровительству и пр.

Покуда время не позволяет нам без крайнего легкомыслия желать каких-либо существенных изменений в нашем отечестве, как-то: освобождения крестьян, изменения бессмысленных форм судопроизводства и т. п. – я желал бы некоторых частных улучшений, которые могли бы иметь полезные результаты, не производя никакого заметного переобразования.

Я желал бы, чтобы все фабрики, не вдруг, но постепенно и неприметно были выведены из столиц и больших городов в маленькие города и села. Это можно было бы сделать так, чтобы все фабрики в столицах обложить каким-нибудь сначала маленьким (например, по 1 рублю с фабрики), но прогрессивно возрастающим налогом и потом назначить срок, к которому (например, через 10 или 15 лет) они должны будут переведены быть за город на расстояние, например, 30 или 40 верст.

Эту перемену я почитаю весьма полезною: 1) потому что от излишнего скопления бессемейных рабочих ощутительно с каждым годом портится нрав низшего класса народа в больших городах, а от испорченной закваски скоро и легко портится народ <?> и новый рабочий, туда приходящий, а из городов порча расходится по всей России; 2) существование огромного фабричного класса народа в городе дает возможность к непредвиденным беспорядкам, подстрекательствам, бунтам и пр.; 3) существование фабрик в селах и деревнях даст развитию промышленности то направление, которое, соединяя земледелие с промыслом, фабричную работу с близостью семьи, одно может сколько-нибудь остановить быстрое распадение нравов, которое вместе с водворением западной образованности очевидно совершается в нашем народе; 4) фабричные изделия, произведенные в столицах, не могут так дешево обходиться и, следовательно, продаваться, как те, которые произведены в селах, где съестные припасы и топливо обходятся дешевле. Если же столичные фабрики имеют теперь перевес над отдаленными, то только по причине близости тех отношений к заказам и сбыту, которые, не имея никакого влияния на большинство произведений, ни на выгоду потребителей, только подрывают лучшие отдаленные фабрики и обогащают столичных фабрикантов на их счет и на счет потребителей.

⁵¹ Написано после 1848 г. (НИОР РГБ. Ф. 148. Карт. 13. Ед. хр. 11). Первая публикация: Киреевский И. В. Разум на пути к Истине. М., 2002. С. 27–31. – *Сост.*

⁵² Речь идет о революционных волнениях, начавшихся зимой 1848 г. во Франции, а за тем охвативших Италию и государства Германского союза. – *Сост.*

Я желал бы, чтобы не только в приходских, но и в уездных училищах, кроме учителей Закона Божьего, еще и учителя русского языка замещены были лицами духовными, священниками, дьяконами или, при их недостатке, хотя перворазрядными студентами из семинарий, ожидающими и еще не получившими священническими места, с тем чтобы им предписано было вместе с русским преподавать и начатки словенского языка и словенской грамматики, упражнять детей в словенском чтении, с объяснением и переводом трудных мест и в учении нужнейших молитв. Кроме нравственной пользы, которая при такой перемене была бы очевидною, – сближение образуемого народа с церковью, – она могла бы быть небесполезна и по тому отношению, что: 1) между духовными гораздо легче можно найти хороших учителей, что они весьма довольны были бы положенным при этом светским жалованием; 2) что, поступив в училище, они не портились бы в нравственности, как портятся светские оттого, что в маленьких городках не находят себе товарищей других, кроме разгульных писарей и мелких чиновников; 3) что излишек от остающегося жалованья мог бы быть употреблен на другие полезные цели по тому же училищу; 4) что, имея необходимость в меньшем числе светских учителей, правительство могло бы из предстоящих кандидатов избирать лучших и от избранных строже требовать исполнения их обязанностей; 5) что меньшее число учителей светских и большее число учителей духовных даст товариществу учителей другой характер, приблизив их более к обществу священников, чем к пьяному обществу чиновников и пр.

Я желал бы, чтобы Библия была не переведена на русский (это было бы вредно потому, что отдалило бы народ от знания словенского языка и, следовательно, от понимания церковного богослужения и, кроме того, уничтожило бы ту связь, которая лежит между различными племенами словенскими), но издана на словенском с объяснениями внизу страницы всех слов и оборотов, непонятных для неопытного в словенском языке. Эти объяснения должны быть составлены так, чтобы только дополняли, а никак не заменяли перевод словенский. К ним можно прибавить варианты других изданий, а при том и те места, которые в еврейской Библии отличны от греческой Семидесяти толковников⁵³, не вводя их канонически, но только предоставляя на соображение читателей. Такое издание Библии, предоставляя каждому возможность сличить варианты так называемых старопечатных Библий с новыми изданиями, было бы одним из лучших средств уничтожить в самом корне раскольническую законселость старообрядцев, между тем как простой перевод на русский язык может только укрепить старые расколы или еще произвести новые.

Я желал бы, чтобы у нас прежде всего, и не теряя ни одной минуты, и не дожидаясь никаких благоприятных обстоятельств была изменена форма присяги⁵⁴ и отменено беспрестанное, ненужное, вредное и развращающее народ ее употребление при всех самых ничтожных обстоятельствах жизни. Излишнее напряжение пружины не увеличивает, но уничтожает ее силу. Могу ли я быть в самом деле честным гражданином, когда при самом первом вступлении моем в обязанности гражданства, я должен давать такую присягу, которую наперед знаю, что не могу выполнить и не выполню, например: доносить о всех ущербах казенного интереса, о которых я узнаю, между тем как я их узнаю всякий день и доносить не только не могу, но по законам нашим и не должен, ибо буду осужден как доносчик. Я знаю, что эти и подобные им нелепые мысли в присяге толкуются не буквальным образом, но знаю также, что эти толкования делаются только для того, чтобы успокоить свою совесть, и что раз допустивши иносказательные

⁵³ Речь идет о греческом переводе Ветхого Завета, сделанном, по преданию, в III в. до н. э. и получившем название перевода Семидесяти толковников (по числу переводчиков). – *Сост.*

⁵⁴ Присяга – это клятва, установленная законодательством Российской империи, произносившаяся православными перед Святым крестом и Евангелием. Для иноверцев присяга имела свою форму, согласную с их верованиями. Присягу давали на верность воцарившемуся императору и его законному наследнику, также при поступлении на военную или гражданскую службу. В уголовном и гражданском судопроизводстве использовалась эта же присяга. По канонам православной церкви за принесение ложной присяги согрешивший на десять лет отлучался от причастия Святых Христовых Таин. – *Сост.*

толкования можно из каждой фразы вывести любой смысл, как английские пьюзиисты⁵⁵ выводят из 36 артиклов чисто католический смысл, хотя эти артиклы составлены были для того именно, чтобы отделить английскую церковь⁵⁶ от католицизма. С такими толкованиями мы можем быть верными отечеству не вследствие присяги, а несмотря на присягу. Для чего же она? Что же касается до ее беспрестанного употребления, то кто замечал ее действие в народе, легко убедится, что ббольшая часть бессовестности его происходит от иного злоупотребления. Я сам слышал, как некоторые говорили: «Присягнуть в правде нельзя, а присягнуть велят – грех на том, кто ее выдумал, эту присягу!» Кто не знает, что за ведро вина можно целую деревню заставить присягнуть в чем угодно. Для чего же присяга? Между тем как если бы она употреблялась только в редких, особенных и торжественных случаях, она не только была бы силою, но вместе и источником нравственности.

⁵⁵ Имеются в виду последователи учения профессора Оксфордского университета Э. Б. Пьюзи, который хотел сблизить англиканскую церковь с католической и тем противодействовать рационалистическому протестантизму. – *Сост.*

⁵⁶ Речь идет об англиканской церкви. – *Сост.*

§ 6. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. Письмо к графу Е. Е. Комаровскому⁵⁷

В последнее свидание наше мы много беседовали с Вами о характере просвещения европейского и об его отличиях от характера того просвещения России, которое принадлежало ей в древние времена и которого следы до сих пор еще не только замечаются в нравах, обычаях и образе мыслей простого народа, но проникают, так сказать, всю душу, весь склад ума, весь, если можно так выразиться, внутренний состав русского человека, не переработанного еще западным воспитанием. Вы требовали от меня, чтобы я изложил мои мысли об этом предмете на бумаге. Но тогда я не мог исполнить Вашего желания. Теперь же, когда я должен писать о том же предмете статью для «Московского сборника»⁵⁸, я прошу позволения дать этой статье форму письма к Вам: мысль, что я разговариваю с Вами, согреет и оживит мои кабинетные размышления.

Конечно, мало вопросов, которые в настоящее время были бы важнее этого вопроса – об отношении русского просвещения к западному. От того, как он разрешается в умах наших, зависит не только господствующее направление нашей литературы, но, может быть, и направление всей нашей умственной деятельности, и смысл нашей частной жизни, и характер общественных отношений. Однако же еще не очень давно то время, когда этот вопрос был почти невозможен или, что все равно, разрешался так легко, что не стоило труда его предлагать. Общее мнение⁵⁹ было таково, что различие между просвещением Европы и России существует только в степени, а не в характере и еще менее в духе или основных началах образованности. У нас, говорили тогда, было прежде только варварство – образованность наша начинается с той минуты, как мы начали подражать Европе, бесконечно опередившей нас в умственном развитии. Там науки процветали, когда у нас их еще не было, там они созрели, когда у нас только начинают распускаться. Оттого там учителя, мы ученики; впрочем, прибавляли обыкновенно с самодовольством, – ученики довольно смысленные, которые так быстро перенимают, что скоро, вероятно, обгонят своих учителей.

«Кто бы мог подумать, братцы, – говорил Петр в 1714 году в Риге, осушая стакан на новопущенном корабле, – кто бы мог думать тому 30 лет, что вы, русские, будете со мною

⁵⁷ Первая публикация с цензурными сокращениями и исправлениями: Московский сборник. М., 1852. Т. 1. С. 1–68. Без цензурной правки опубликовано впервые: Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 174–222. Статья написана в форме открытого письма к графу Егору Евграфовичу Комаровскому, с которым И. В. Киреевского со времен юности связывали многолетние дружеские отношения, общие литературные и историческо-философские интересы. Е. Е. Комаровский жил в Петербурге, служил в Комитете иностранной цензуры, был женат на Софии Владимировне Веновитиновой, сестре Веновитиновых, друзей И. В. Киреевского. И. В. Киреевский, приезжая в Петербург навестить своего сына Василия, останавливался в городском доме Комаровских, а также на их охтинской даче. Статья не была закончена в связи с болезнью И. В. Киреевского и пошла в печать без заключительного обращения к гр. Е. Е. Комаровскому (см.: Веновитинов М. А. И. В. Киреевский и цензура «Московского сборника» 1852 г. // Русский архив. 1897. Кн. 3. Вып. 10. С. 290). На статью И. В. Киреевского откликнулись его единомышленники и оппоненты. Среди них И. С. Аксаков, Т. Н. Грановский, Ю. Ф. Самарин, Н. Г. Чернышевский. Е. Е. Комаровский ответил на статью частным письмом (см.: Русский архив. 1896. Кн. 1. Вып. 3. С. 464–470). Известны замечания П. Я. Чаадаева (см.: Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 559–560). Наиболее подробный разбор сочинения И. В. Киреевского сделал А. С. Хомяков в статье «По поводу статьи И. В. Киреевского “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России”» (см.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 4 т. 2-е изд. М., 1878. Т. 1. С. 195–260). А. С. Хомяков, восхищаясь тонким анализом развития западноевропейского общества, сделанным его другом, дополняет этот разбор своими представлениями о развитии греческой и римской античности, исследуя причины возникновения протестантизма. Во второй части своей статьи А. С. Хомяков подвергает критике взгляды И. В. Киреевского на древнерусскую государственность, предполагая причину государственных настроений в противоборстве дружины, как силы объединяющей, и земщины, как силы, стремящейся к обособлению. – *Сост.*

⁵⁸ «Московский сборник» был издан весной 1852 г. – *Сост.*

⁵⁹ Можно предположить, что автор имеет в виду «общее мнение», выраженное П. Я. Чаадаевым в первом «Философском письме к г-же ***», написанном в 1828 г. и получившем известность в литературных кругах. – *Сост.*

здесь, на Балтийском море, строить корабли и пировать в немецких платьях?» «Историки, – прибавил он, – полагают древнее седалище наук в Греции, оттуда перешли они в Италию и распространились по всем землям Европы. Но невежество⁶⁰ наших предков помешало им проникнуть далее Польши, хотя и поляки находились прежде в таком же мраке, в каком сперва были и все немцы и в каком мы живем до сих пор, и только благодаря бесконечным усилиям своих правителей могли они наконец открыть глаза и усвоить себе европейское знание, искусства и образ жизни. Это движение наук на земле сравниваю я с обращением крови в человеке; и мне сдается, что они опять когда-нибудь покинут свое местопребывание в Англии, Франции и Германии и перейдут к нам на несколько столетий, чтобы потом снова возвратиться на свою родину, в Грецию»⁶¹.

Эти слова объясняют увлечение, с которым действовал Петр, и во многом оправдывают его крайности. Любовь к просвещению была его страстью. В нем одном видел он спасение для России, а источник его видел в одной Европе. Но его убеждение пережило его целым столетием в образованном или, правильнее, в переобразованном им классе его народа; и тому 30 лет едва ли можно было встретить мыслящего человека, который бы постигал возможность другого просвещения, кроме заимствованного от Западной Европы.

Между тем с тех пор в просвещении западноевропейском и в просвещении европейско-русском произошла перемена.

Европейское просвещение во второй половине XIX века достигло той полноты развития, где его особенное значение выразилось с очевидною ясностью для умов, хотя несколько наблюдательных. Но результат этой полноты развития, этой ясности итогов был почти всеобщее чувство недовольства и обманутой надежды. Не потому западное просвещение оказалось неудовлетворительным, что бы науки на Западе утратили свою жизненность, напротив, они процветали по-видимому еще более, чем когда-нибудь; не потому, что бы та или другая форма внешней жизни тяготела над отношениями людей или препятствовала развитию их господствующего направления, напротив, борьба с внешним препятствием могла бы только укрепить пристрастие к любимому направлению, и никогда, кажется, внешняя жизнь не устраивалась послушнее и согласнее с их умственными требованиями. Но чувство недовольства и безотрадной пустоты легло на сердце людей, которых мысль не ограничивалась тесным кругом минутных интересов, именно потому, что самое торжество ума европейского обнаружило односторонность его коренных стремлений; потому, что при всем богатстве, при всей, можно сказать, громадности частных открытий и успехов в науках общий вывод из всей совокупности знания представил только отрицательное значение для внутреннего сознания человека; потому, что при всем блеске, при всех удобствах наружных усовершенствований жизни самая жизнь лишена была своего существенного смысла, ибо, не проникнутая никаким общим сильным убеждением, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрета глубоким сочувствием. Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала своего развития, так что собственные его коренные начала, из которых оно выросло, сделались для него посторонними, чужими, противоречащими его последним результатам, между тем как прямою собственностью его оказался этот самый разрушивший его корни анализ, этот самодвижущийся нож разума, этот отвлеченный силлогизм, не признающий ничего, кроме себя и личного опыта, этот самовластвующий рассудок – или как вернее назвать эту логическую деятельность, отрешенную от всех других познавательных сил человека, кроме самых грубых, самых первых чувственных данных, и на них одних создающую свои воздушные диалектические построения?

⁶⁰ Петр I употребил в данном случае немецкое слово «Die Unart». – И. К.

⁶¹ Вольное цитирование. Точную цитату см.: Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 15 т. М., 1838. Т. 5. С. 261–262. – *Сост.*

Впрочем, надобно вспомнить, что чувство недовольства и безнадежности не вдруг обнаружилось в западном человеке при первом явном торжестве его разрушительной рассудочности. Опрокинув свои вековые убеждения, он тем более надеялся на всемогущество своего отвлеченного разума, чем огромное, чем крепче, чем объемлющее были эти убеждения, им разрушенные. В первую минуту успеха его радость не только не была смешана с сожалением, но, напротив, упоение его самонадеянности доходило до какой-то поэтической восторженности. Он верил, что собственным отвлеченным умом может сейчас же создать себе новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на переобразованной им земле.

Страшные, кровавые опыты не пугали его; огромные неудачи не охлаждали его надежды; частные страдания налагали только венец мученичества на его ослепленную голову; может быть, целая вечность неудачных попыток могла бы только утомить, но не могла бы разочаровать его самоуверенности, если бы тот же самый отвлеченный разум, на который он надеялся, силою собственного развития не дошел до сознания своей ограниченной односторонности.

Этот последний результат европейской образованности, правда, еще далеко не сделавшийся всеобщим, но, очевидно, начинающий уже господствовать в передовых мыслителях Запада, принадлежит новейшей и, вероятно, уже окончательной эпохе отвлеченно-философского мышления. Но мнения философские недолго остаются достоянием ученых кафедр. Что нынче вывод кабинетного мышления, то завтра будет убеждением масс, ибо для человека, оторванного от всех других верований, кроме веры в рациональную науку, и не признающего другого источника истины, кроме выводов собственного разума, судьба философии делается судьбою всей умственной жизни. В ней не только сходятся все науки и все житейские отношения и связываются в один узел общего сознания, но из этого узла, из этого общего сознания снова исходят правительственные нити во все науки и во все житейские отношения, дают им смысл и связь и образуют их по своему направлению. Оттого нередко видели мы, как в каком-нибудь уголке Европы созревает едва замеченная мысль в голове какого-нибудь труженика науки, которого и лицо едва заметно толпе, его окружающей, и через двадцать лет эта незаметная мысль этого незаметного лица управляет умами и волею этой же самой толпы, являясь перед ней в каком-нибудь ярком историческом событии. Не потому, что бы в самом деле какой-нибудь кабинетный мыслитель из своего дымного угла мог по своему произволу управлять историей, но потому, что история, проходя через его систему, развивается до своего самосознания. Он только замечает и сводит в один общий итог совокупность господствующих результатов, и всякий произвол в движении его мысли отнимает у нее всю силу над действительностью, ибо только та система делается господствующею, которая сама есть необходимый вывод из господствующих до нее убеждений. Так в организме народов, основывающих свои убеждения единственно на своих личных разумениях, голова философа является как необходимый естественный орган, через который проходит все кругообращение жизненных сил, от внешних событий возвышаясь до внутреннего сознания и от внутреннего сознания снова возвращаясь в сферу очевидной исторической деятельности. Посему можно сказать, что не мыслители западные убедились в односторонности логического разума, но сам логический разум Европы, достигнув высшей степени своего развития, дошел до сознания своей ограниченности и, уяснив себе законы собственной деятельности, убедился, что весь объем его самодвижной силы не простирается далее отрицательной стороны человеческого знания; что его умозрительное сцепление выводных понятий требует оснований, почерпнутых из других источников познания; что высшие истины ума, его живые зрения, его существенные убеждения – все лежат вне отвлеченного круга его диалектического процесса и хотя не противоречат его законам, однако же и не выводятся из них и даже не достигаются его деятельностью, когда она оторвана от своей исконной совокупности с общею деятельностью других сил человеческого духа.

Так западный человек, исключительным развитием своего отвлеченного разума утратив веру во все убеждения, не из одного отвлеченного разума исходящие, вследствие развития

этого разума потерял и последнюю веру свою в его всемогущество. Таким образом был он принужден или довольствоваться состоянием полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов (так сделали многие, но многие не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жизни Европы были развиты иначе), или должен был опять возвратиться к тем отвергнутым убеждениям, которые одушевляли Запад прежде конечного развития отвлеченного разума, – так сделали некоторые; но другие не могли потому, что убеждения эти, как они образовались в историческом развитии Западной Европы, были уже проникнуты разлагающим действием отвлеченного разума и потому из первобытной сферы своей, из самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы и оттого являлись сознанию человека западного как односторонность разума, вместо того чтобы быть его высшим, живительным началом.

Что же оставалось делать для мыслящей Европы? Возвратиться еще далее назад, к той первоначальной чистоте этих основных убеждений, в какой они находились прежде влияния на них западноевропейской рассудочности? Возвратиться к этим началам, как они были прежде самого начала западного развития? Это было бы делом почти невозможным для умов, окруженных и проникнутых всеми оболещениями и предрассудками западной образованности. Вот, может быть, почему большая часть мыслителей европейских, не в силах будучи вынести ни жизни тесно эгоистической, ограниченной чувственными целями и личными соображениями, ни жизни односторонне умственной, прямо противоречащей полноте их умственного сознания, – чтобы не оставаться совсем без убеждений и не предаться убеждениям заведомо неистинным, обратились к тому избегу, что каждый начал в своей голове изобретать для всего мира новые общие начала жизни и истины, отыскивая их в личной игре своих мечтательных соображений, мешая новое со старым, невозможное с возможным, отдаваясь безусловно самым неограниченным надеждам, и каждый противореча другому, и каждый требуя общего признания других. Все сделались Колумбами, все пустились открывать новые Америки внутри своего ума, отыскивать другое полушарие земли но безграничному морю невозможных надежд, личных предположений и строго силлогистических выводов.

Такое состояние умов в Европе имело на Россию действие противное тому, какое оно впоследствии произвело на Запад. Только немногие, может быть, и то разве на минуту могли увлечься наружным блеском этих безрассудных систем, обмануться искусственным благообразием их гнилой красоты, но большая часть людей, следивших за явлениями западной мысли, убедившись в неудовлетворительности европейской образованности, обратили внимание свое на те особенные начала просвещения, не оцененные европейским умом, которыми прежде жила Россия и которые теперь еще замечаются в ней помимо европейского влияния.

Тогда начались живые исторические разыскания, сличения, издания. Особенно благодетельны были в этом случае действия нашего правительства, открывшего в глуши монастырей, в пыли забытых архивов и издавшего в свет столько драгоценных памятников старины⁶². Тогда русские ученые, может быть, в первый раз после полутора столетий обратили беспристрастный, испытующий взор внутрь себя и своего отечества и, изучая в нем новые для них элементы умственной жизни, поражены были странным явлением: они с изумлением увидели, что почти во всем, что касается до России, ее истории, ее народа, ее веры, ее коренных основ просвещения и явных, еще теплых следов этого просвещения на прежней русской жизни, на характере и уме народа, – почти во всем, говорю я, они были до сих пор обмануты; не потому, что бы кто-нибудь с намерением хотел обмануть их, но потому, что безусловное пристрастие к западной образованности и безотчетное предубеждение против русского варварства заслоняли от них разумение России. Может быть, и они сами прежде, под влиянием тех же предрассудков,

⁶² Имеется в виду работа по собиранию и публикации материалов государственных и монастырских архивов, начатая в 1810-е гг. графом Н. П. Румянцевым. – *Сост.*

содействовали к распространению того же ослепления. Но обаяние было так велико, что скрывало от них самые явные предметы, стоявшие, так сказать, пред их глазами; зато и пробуждение совершается так быстро, что удивляет своею неожиданностию.

Ежедневно видим мы людей, разделявших западное направление, и нередко между ними людей, принадлежащих к числу самых просвещенных умов и самых твердых характеров, которые совершенно переменяют свой образ мыслей единственно оттого, что беспристрастно и глубоко обращают свое внимание внутрь себя и своего отечества, изучая в нем те основные начала, из которых сложилась особенность русского быта, в себе открывая те существенные стороны духа, которые не находили себе ни места, ни пищи в западном развитии ума.

Впрочем, понять и выразить эти основные начала, из которых сложилась особенность русского быта, не так легко, как, может быть, думают некоторые. Ибо коренные начала просвещения России не раскрылись в ее жизни до той очевидности, до какой развились начала западного просвещения в его истории. Чтобы их найти, надобно искать; они не бросаются сами в глаза, как бросается образованность европейская. Европа высказалась вполне. В девятнадцатом веке она, можно сказать, докончила круг своего развития, начавшийся в девятом. Россия хотя в первые века своей исторической жизни была образована не менее Запада, однако же вследствие посторонних и, по-видимому, случайных препятствий была постоянно останавливаема на пути своего просвещения, так что для настоящего времени могла она сберечь не полное и досказанное его выражение, но только одни, так сказать, намеки на его истинный смысл, одни его первые начала и их первые следы на уме и жизни русского человека.

В чем же заключаются эти начала просвещения русского? Что представляют они особенного от тех начал, из которых развилось просвещение западное? И возможно ли их дальнейшее развитие? И если возможно, то что обещают они для умственной жизни России? Что могут принести для умственной жизни Европы? Ибо после совершившегося соприкосновения России и Европы уже невозможно предполагать ни развития умственной жизни в России без отношения к Европе, ни развития умственной жизни в Европе без отношения к России.

Начала просвещения русского совершенно отличны от тех элементов, из которых составилось просвещение народов европейских. Конечно, каждый из народов Европы имеет в характере своей образованности нечто особое, но эти частные, племенные и государственные или исторические особенности не мешают им всем составлять вместе то духовное единство, куда каждая особая часть входит как живой член в одно личное тело. Оттого посреди всех исторических случайностей они развивались всегда в тесном и сочувственном соотношении.

Россия, отделившись духом от Европы, жила и жизнью отдельно от нее. Англичанин, француз, итальянец, немец никогда не переставал быть европейцем, всегда сохраняя притом свою национальную особенность. Русскому человеку, напротив того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться с образованностью западною, ибо и наружный вид, и внутренний склад ума, взаимно друг друга объясняющие и поддерживающие, были в нем следствием совсем другой жизни, проистекающей совсем из других источников.

Кроме разностей племенных, еще три исторические особенности дали отличительный характер всему развитию просвещения на Западе: особая форма, через которую проникало в него христианство, особый вид, в котором перешла к нему образованность древнеклассического мира, и, наконец, особые элементы, из которых сложилась в нем государственность.

Христианство было душою умственной жизни народов на Западе, так же, как и в России. Но в Западную Европу проникало оно единственно через церковь Римскую.

Конечно, каждый патриархат, каждое племя, каждая страна в христианском мире не переставали сохранять свою личную особенность, участвуя притом в общем единстве всей церкви. Каждый народ, вследствие местных, племенных или исторических случайностей развивший в себе преимущественно одну какую-нибудь сторону умственной деятельности, естественно должен был и в духовной жизни своей, и в писаниях своих богословов удерживать тот

же свой особенный характер, свою, так сказать, природную физиономию, только просветленную высшим сознанием. Так, богословские писатели сирийских стран обращали, кажется, преимущественное внимание на внутреннюю, созерцательную жизнь человека, отрешенного от мира. Римские богословы занимались особенно стороною практической деятельности и логической связи понятий. Духовные писатели просвещенной Византии более других, кажется, имели в виду отношение христианства к частным наукам, вокруг него процветавшим и сперва враждовавшим с ним, а потом покорившимся ему. Богословы александрийские, находясь в двоякой борьбе – с язычеством и иудейством, окруженные философскими, теософскими и гностическими школами, по преимуществу обращали внимание на умозрительную сторону христианского учения. Различные пути вели к одной общей цели, куда стремящиеся по ним не уклонялись от общей цели. Везде бывали частные ереси, которые всегда имели близкое отношение к господствующему направлению народов, где они возникали, но они уничтожались единомыслием церкви вселенской, соединявшей все частные церкви в одно святое согласие. Бывали времена, когда опасность уклонения угрожала и целым патриархатам, когда учение, несогласное с учением вселенской церкви, согласовалось, однако же, с господствующим направлением и умственной особенностью народов, частную церковь составлявших, но в эти времена испытания, когда для частной церкви предстоял решительный выбор: или отторгнуться от церкви вселенской, или пожертвовать своим частным мнением, Господь спасал свои церкви единодушием всего православного мира. Особенность каждой частной церкви тогда только могла бы увлечь ее в раскол, когда бы она отделилась от Предания и общения с другими церквами, но, оставаясь верною общему Преданию и общему согласию любви, каждая частная церковь особым характером своей духовной деятельности только увеличивала общее богатство и полноту духовной жизни всего христианства. Так и Римская церковь имела свою, так сказать, законную особенность, прежде чем отделилась от церкви вселенской, но, отделившись от нее, она естественно должна была эту частную свою особенность обратить в исключительную форму, через которую одно христианское учение могло проникать в умы народов, ей подчиненных.

Образованность древнего дохристианского мира – второй элемент, из которого развилось просвещение Европы, – была известна Западу до половины XV века почти исключительно в том особенном виде, какой она приняла в жизни древнего языческого Рима, но другая сторона ее, образованность греческая и азиатская, в чистом виде своем почти не проникала в Европу до самого почти покорения Константинополя. Между тем Рим, как известно, далеко не был представителем всего языческого просвещения: ему принадлежало только господство материальное над миром, между тем как умственное господство над ним принадлежало и языку, и образованности греческой. Потому всю опытность человеческого ума, все достояние его, которое он добыл себе в продолжение шеститысячелетних⁶³ усилий, принимать единственно в той форме, какую оно получило из образованности римской, значило принимать его в виде совершенно одностороннем и неминуемо подвергаться опасности сообщить эту односторонность и характеру собственной своей образованности. Так действительно и совершилось с Европою. Когда же в XV веке греческие изгнанники перешли на Запад со своими драгоценными рукописями, то было уже поздно. Образованность Европы, правда, оживилась, но смысл ее остался тот же: склад ума и жизни был уже заложен. Греческая наука расширила круг знания и вкуса, разбудила мысли, дала умам полет и движение, но господствующего направления духа уже изменить не могла.

Наконец, третий элемент просвещения, образованность общественная, представляет ту особенность на Западе, что почти ни в одном из народов Европы государственность не произошла из спокойного развития национальной жизни и национального самосознания, где гос-

⁶³ Имеется в виду принятое на христианском Востоке исчисление времени от сотворения мира. – *Сост.*

подствующие, религиозные и общественные понятия людей, воплощаясь в бытовых отношениях, естественно вырастают и крепнут и связываются в одно общее единомыслие, правильно отражающееся в стройной цельности общественного организма. Напротив, общественный быт Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти везде возник насильственно, из борьбы насмерть двух враждебных племен: из угнетения завоевателей, из противодействия завоеванных и, наконец, из тех случайных условий, которыми наружно кончались споры враждующих несоразмерных сил.

Эти три элемента Запада: Римская церковь, древнеримская образованность и возникшая из насилий завоевания государственность – были совершенно чужды древней России. Приняв учение христианское от Греции, она постоянно находилась в общении со вселенскою церковью. Образованность древнеязыческого мира переходила к ней уже сквозь учение христианское, не действуя на нее односторонним увлечением, как живой остаток какой-нибудь частной народности; только впоследствии, утвердившись в образованности христианской, начинала она усваивать себе последние результаты наукообразного просвещения древнего мира, – когда провидению, видимо, угодно было остановить дальнейший ход ее умственного развития, спасая ее, может быть, от вреда той односторонности, которая неминуемо стала бы ее уделом, если бы ее рассудочное образование началось прежде, чем Европа dokonчила круг своего умственного развития, и когда, не обнаружив еще последних выводов своих, она могла тем безотчетнее и тем глубже завлечь ее в ограниченную сферу своего особенного развития. Христианство, проникнув в Россию, не встретило в ней тех громадных затруднений, с какими должно было бороться в Риме и Греции и в европейских землях, пропитанных римскою образованностью. Чистому влиянию его учения на внутреннюю и общественную жизнь человека словенский мир не представлял тех неодолимых препятствий, какие оно находило в сомкнутой образованности мира классического и в односторонней образованности народов западных. Во многом даже племенные особенности словенского быта помогали успешному осуществлению христианских начал. Между тем основные понятия человека о его правах и обязанностях, о его личных, семейных и общественных отношениях не составлялись насильственно из формальных условий враждующих племен и классов – как после войны проводятся искусственные границы между соседними государствами по мертвой букве выпоренного трактата. Но, не испытав завоевания, русский народ устраивался самобытно. Враги, угнетавшие его, всегда оставались вне его, не мешаясь в его внутреннее развитие. Татары, ляхи, венгры, немцы и другие бичи, посланные ему Провидением, могли только остановить его образование и действительно остановили его, но не могли изменить существенного смысла его внутренней и общественной жизни.

Между тем эти чуждые России три элемента первоначальной образованности европейской: Римская церковь, древнеримский мир и возникшая из завоевания государственность – определили весь круг дальнейшего развития Европы, как три точки в пространстве определяют круговую линию, которая через них проходит.

Влияние живых еще развалин, уцелевших от разрушения остатков старой римской образованности, на новорождающуюся образованность Запада было всеобъемлющее. Проникая в самое основное строение общественных отношений, в законы, в язык, в нравы, в обычаи, в первое развитие наук и искусств европейских, Древний Рим должен был поневоле сообщить более или менее всем отношениям западного человека тот особенный характер, которым сам он отличался от других народов, и этот особенный характер всей совокупности отношений, окружающих человека, по необходимости должен был проникнуть в самый, так сказать, внутренний состав его жизни, переобразовывая более или менее все другие влияния согласно своему господствующему направлению.

Потому главная особенность умственного характера Рима должна была отразиться и в умственной особенности Запада. Но если мы захотим эту господствующую особенность рим-

ского образования выразить одною общею формулою, то не ошибемся, кажется, если скажем, что отличительный склад римского ума заключался в том именно, что в нем наружная рассудочность брала перевес над внутреннею сущностью вещей. Этот характер, очевидно, представляет нам общественный и семейный быт Рима, логически и нераскаянно уродовавший естественные и нравственные отношения людей по внешней букве случайно выразившегося закона. Тот же характер представляет нам и поэзия римлян, работавшая над художественным усовершенствованием внешних форм чужого вдохновения. То же представляет нам их язык, задавивший, под искусственную стройностию грамматических конструкций, естественную свободу и живую непосредственность душевных движений. Тот же характер видим мы в самых знаменитых законах римских, где стройность внешней формальности доведена до столь изумительного логического совершенства при изумительном тоже отсутствии внутренней справедливости. То же наружное сцепление мыслей на счет внутренней, живой полноты смысла представляет нам и религия римская, за внешними обрядами почти забывшая их таинственное значение, – римская религия, это собрание всех разнородных, даже противоречащих друг другу божеств языческого мира, наружно совмещенных, внутренне разноречащих, в то же время логически согласенных в одно символическое поклонение, где под покрывалом философской связи скрывалось внутреннее отсутствие веры. Тот же характер рассудочного направления замечаем мы и в нравах римских, где так высоко ценилась внешняя деятельность человека и так мало обращалось внимания на ее внутренний смысл; где гордость была добродетелью; где личное логическое убеждение каждого было единственным руководством его действий; где потому каждая личность сознавала себя не только за нечто особое, но и за нечто отличное от других личностей и не понимала к ним иных отношений, кроме отношений, логически выведенных из наружных условий жизни. Потому римлянин не знал почти другой связи между людьми, кроме связи общего интереса, другого единства, кроме единства партии. Самый патриотизм римлянина – бескорыстнейшее чувство, до которого он мог достигнуть, был для него не тем, чем он был для грека. Он не любил дыма отечества; даже дым греческого очага был для него привлекательнее. Он любил в отечестве интерес своей партии и то особенно, что оно ласкало его гордость. Но непосредственное, общечеловеческое чувство было почти заглушено в душе римлянина. Относительно же сограждан своих понимал он себя почти так же, как его великий Рим понимал себя относительно других городов, его окружавших; равно готовый на союз и на войну, он решался на то или другое по указанию расчета, постоянно слушающая внушения той страсти, которая обыкновенно господствует внутри ума сухо-логического и корыстно-деятельного: я говорю о страсти преобладания над другими, которая в душе римлянина занимала то же место, какое в душе сочувственного грека занимала страсть безрассудного славобудия. Одним словом, во всех особенностях римского человека, во всех изгибах умственной и душевной деятельности видим мы одну общую черту: что наружная стройность его логических понятий была для него существеннее самой сущности и что внутреннее равновесие его бытия, если можно так выразиться, сознавалось им единственно в равновесии рассудочных понятий или внешней формальной деятельности.

Христианство, разумеется, при самом появлении своем среди языческого мира противоречило этому направлению корыстной личности и самомнительной рассудочности римского человека. Обращая главную деятельность духа к внутренней цельности бытия, оно не только противилось всякой страстности увлечений, хотя бы и благовидными предложениями украшенной, но вместе, возводя ум к живому средоточию самопознания, оно боролось и с тем состоянием духовного распада, где односторонняя рассудочность отрывается от других сил духа и думает достигнуть истины наружною связностию понятий. Между тем как для этой внешней, рассудочной мудрости христианская проповедь казалась безумием⁶⁴, – с высоты христи-

⁶⁴ Ср.: Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством

анского учения эта надменная рассудочность являлась во всей бедности своей нечувственной слепоты. Потому в первые века церкви видим мы в богословских писателях даже римского мира нередкие нападения на ложность языческого философствования⁶⁵. Однако же господство чисто христианского направления не могло совершенно изгладить из их ума особенность римской физиономии, которая, как уже мы заметили, оставаясь в своих законных границах, не только не мешала истинному направлению духа, но, напротив, должна была еще увеличивать многостороннее богатство его проявлений и только там увлекала в заблуждения, где ее излишеством нарушалось внутреннее равновесие духа. Так, Тертуллиан, может быть самый красноречивый из богословских писателей Рима, особенно поражает своею блестящею логикою, наружною связностию своих положений; многие из его произведений навсегда остаются украшением церкви, хотя самое излишество логической способности или, лучше сказать, ее отделенность от других сил разума увлекла его в ту крайность, где его учение уже оторвалось от учения чисто христианского. Счастливее был его знаменитый ученик, святитель Киприан, хотя не менее его замечателен особенностью своей логической силы. Но ни один, может быть, из древних и новых Отцов Церкви не отличался столько любовью к логическому сцеплению истин, как Блаженный Августин, по преимуществу называемый учителем Запада. Некоторые сочинения его являются как бы одна, из кольца в кольцо неразрывно сомкнутая, железная цепь силлогизмов. Оттого, может быть, иногда увлекался он слишком далеко, за наружную стройность не замечая внутреннюю односторонность мысли, так что в последние годы своей жизни должен был сам писать опровержение некоторых из своих прежних утверждений.

Но если эта особенная приверженность римского мира к наружному сцеплению понятий была небезопасна для римских богословов еще в то время, когда Римская церковь была живою частию церкви вселенской, когда общее сознание всего православного мира удерживало каждую особенность в законном равновесии, – то понятно, что после отделения Рима эта особенность римского ума должна была взять решительный перевес в характере учения римских богословов. Может быть даже, эта римская особенность, эта оторванная рассудочность, эта излишняя склонность к наружному сцеплению понятий была одною из главнейших причин самого отпадения Рима. Конечно, не место здесь разбирать ни причины, ни обстоятельства этого отпадения: римский ли дух преобладания был тайным побуждением главных деятелей или другие причины – все предположения могут быть подвержены спору, но не подвержен сомнению самый предлог отпадения: новое прибавление догмата к прежнему Символу, прибавление, которое, против древнего Предания и общего сознания церкви, оправдывалось единственно логическими выводами западных богословов.

Мы потому особенно упоминаем здесь об этом обстоятельстве, что оно лучше других может нам объяснить характер западной образованности, где римская отрешенная рассудочность уже с IX века проникла в самое учение богословов, разрушив свою односторонностию гармоническую цельность внутреннего умозрения.

С этой точки зрения для нас становится понятным, почему западные богословы со всею рассудочною добросовестностию могли не видеть единства церкви иначе как в наружном единстве епископства; почему наружным делам человека могли они приписывать существенное достоинство; почему, при внутренней готовности души и при недостатке этих наружных дел, не понимали они для нее другого средства спасения, кроме определенного срока чистилища; почему, наконец, могли они приписывать некоторым людям даже избыток достоинства наруж-

проповеди спасти верующих. Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков (1 Кор. 1, 21–25). – *Сост.*

⁶⁵ Очевидно, речь идет об апологетических сочинениях священномучеников Иринея Лионского, Ипполита Римского, Киприана Карфагенского, Августина Блаженного. – *Сост.*

ных дел и вменять этот избыток недостатку других тоже за какие-нибудь наружные действия, совершенные для внешней пользы церкви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.